Марк Агатов

ВОЛЬФ МЕССИНГ:

**«НИКОГДА
НЕ ОБЩАЙСЯ
С МИРОМ
МЕРТВЫХ»**

Марк Агатов

**Вольф Мессинг: «Никогда
не общайся с миром мертвых».
Книга о Мессинге и его учениках**

«Издательские решения»

Агатов М.

Вольф Мессинг: «Никогда не общайся с миром мертвых». Книга о Мессинге и его учениках / М. Агатов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-501445-0

Вольф Мессинг: «Никогда не общайся с миром мертвых, не ищи там помощи и защиты. Надейся только на собственные силы и удачу. Запомни, пока я жив, я помогу тебе, но после моей смерти забудь о Мессинге и его опытах, и не пытайся найти меня в чужом для тебя мире, потому что это опасно, очень опасно для тех, кто живет на этой земле».

ISBN 978-5-00-501445-0

© Агатов М.
© Издательские решения

Содержание

Вольф Мессинг научил меня предсказывать прошлое	6
Роман о сумасшедших	7
Сто тысяч гривен за рассказ про пекаря	10
«Невыдуманная история: «Пекарь химзавод не купит»	12
Владислав Бахревский: «Пиши роман»	16
Страницы биографии. «Детективы от Агатова»	19
Владислав Бахревский: «После смерти человек оставляет свой образ»	21
Вольф Мессинг: «Никогда не общайся с миром мертвых»	23
В каждой женщине живет ведьма!	24
Женщина, которая притягивает смерть!	26
Художественный фильм Елены Шереметьевой с ключевыми словами гипнотизера Маркуса Крыми	30
Желтые розы с траурной лентой	33
За бортом самолета – минус шестьдесят	36
Уходящая натура	39
Занимательная психиатрия	43
Трагедия для одного зрителя	46
Вольф Мессинг	50
Стас Михайлов	55
Катастрофа	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Вольф Мессинг: «Никогда не общайся с миром мертвых» Книга о Мессинге и его учениках

Марк Агатов

*«Никогда не общайся с миром мертвых»
Вольф Мессинг*

Редактор М. Ильин

© Марк Агатов, 2019

ISBN 978-5-0050-1445-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Однажды к Мессингу обратился отец погибшей девушки и попросил узнать имя убийцы. Но Мессинг не стал раскрывать эту тайну, ограничившись одной фразой: «Я не общаюсь с теми, кто умер». На следующий день Вольф Мессинг покинул Крым, сказав на прощание своему ученику: «Никогда не общайся с миром мертвых, не ищи там помощи и защиты. Надейся только на собственные силы и удачу. Запомни, пока я жив, я помогу тебе, но после моей смерти забудь о Мессинге и его опытах и не пытайся найти меня в чужом для тебя мире, потому что это опасно, очень опасно для тех, кто живет на этой земле».

Вольф Мессинг научил меня предсказывать прошлое

Хотим мы этого или нет, но судьба predetermined каждому от рождения. Его величество случай в 1966 году привел меня в психиатрическую больницу. Почему я попал на свою первую практику именно сюда, одному богу известно. Но так получилось, что меня распределили в психбольницу.

Не каждому взрослому человеку удается побороть в себе страх перед ежедневной опасностью быть избитым невменяемым пациентом, да и разговаривать с душевнобольным человеком весьма непросто. А мне в то время было всего 16 лет. И я тоже на первых порах боялся больных, не знал, о чем с ними можно говорить, а какие темы запрещены для обсуждения.

В диспансере моим наставником стала известная в городе психоневролог Полина Рубеновна Оганезова. Учила она сотрудников главному – умению говорить с больными, скрывать свои эмоции и управлять потерявшими разум людьми. Последнее мне казалось делом невыполнимым, но через год я уже спокойно входил в палату к особо опасным больным.

Там же в диспансере я впервые услышал о гипнозе и увидел, как молодая врач Вера Лунина, усыпляя больных, внушала им полезные мысли, снимала страх, депрессию...

После сеансов гипноза мы много говорили с ней о тайнах мозга, о внушении, и однажды она вручила мне очень редкую в то время книгу о гипнозе. Это была монография какого-то немецкого автора. Читать ее было сложно, но из этой книги я узнал главное, что гипнотизером может стать практически любой человек. Причем, для того чтобы научиться усыплять больных, не нужно иметь специального образования, а достаточно овладеть техникой гипноза.

В январе 1969 г. в Евпаторию на гастроли приехал Вольф Мессинг. Его выступление в городском театре я не мог пропустить и во время сеанса вызвался ассистировать легендарному артисту. После представления любопытного ассистента Вольф Григорьевич пригласил в примерку, где я признался, что хотел бы стать гипнотизером.

По-русски Вольф Мессинг говорил неважно, но я ловил каждое слово великого гипнотизера. Мы говорили о тайнах гипноза, телепатии и внушении наяву, а когда пришло время прощаться, Вольф Мессинг на фирменном бланке оставил автограф и сказал, что я стану известным человеком, после того, как брошу медицину.

– Ты будешь писателем, – сказал Вольф Мессинг. Он, не мигая, смотрел мне в глаза и говорил громко, как на сцене во время сеанса гипноза. – Ты напишешь много книг. И в одной из них расскажешь о нашей встрече. А потом, когда я уйду из этого мира, в твоих книгах появится ученик Вольфа Мессинга. В книге он повторит мои опыты, но он не будет Мессингом!

– И кем же он будет? – тихо спросил я.

– Не знаю. Он сам расскажет тебе о своей жизни, если вы когда-нибудь встретитесь.

Признаюсь сразу, что в это предсказание в шестьдесят девятом году я не поверил.

Но Вольф Мессинг знал о моем будущем намного больше, чем я мог предположить.

Через двадцать лет я оставил медицину и стал сочинять детективы, главными героями в которых стали врачи-психиатры. Книги эти в начале девяностых годов прошлого столетия выходили сотысячными тиражами. Из издательства мне принесли пачки писем, в которых читатели рассказывали свои истории и делились впечатлением о прочитанном. Были в этих письмах и рассказы о Вольфе Мессинге, о его сбывшихся предсказаниях. А потом в моей книге появился ОН – ученик Вольфа Мессинга Маркус Крыми.

Роман о сумасшедших

Я брожу по замерзшему пляжу, оставляя на снегу следы своих ботинок, и пытаюсь найти первую строчку для этой главы. Но в голову лезут обкатанные временем штампы: «40 лет назад я впервые переступил порог Евпаторийского литературного объединения». Звучит красиво, круглая дата, но, по сути, это вранье, потому что я не помню, сколько мне было лет, когда впервые я написал некий художественный текст, который требовал обсуждения в кругу таких же, как я, жаждущих стать великими властителями человеческих дум. И еще одно вранье в первой же строчке: евпаторийское ЛИТО никогда не имело своего помещения, а значит, я не мог переступить «порог Евпаторийского литературного объединения сорок лет назад».

С газетным штампом ничего не вышло. Но надо ж с чего-то начать. Может быть, так: «Время было советское. Партия и правительство проявляли неустанную заботу о творческой интеллигенции». Вроде бы все на месте, и слова правильные, и акценты сделаны верно. Партия на первом месте, правительство чуть ниже, но вранье сапожным гвоздем вылезает и из этой фразы. Не было в нашем ЛИТО интеллигенции. Слесарей помню, работяг с завода видел, худосочных девиц с затуманенным взором, морем, луной и сердечком, которое то ли билось, то ли стучало в школьной тетрадке, и я, собственной персоной, «интеллигент в третьем поколении» – санитар городской психиатрической больницы, сын портного и домохозяйки. Наглый и самоуверенный, не имеющий никакого понятия о литературном труде, но желающий сообщить миру нечто важное о своей жизни.

Мы спорили друг с другом до хрипоты и обижались на тех, кто пытался образумить нас, неучей, что писательский труд – это, прежде всего, талант и непосильная каторга за письменным столом. Ежедневная, еженощная борьба с выдуманными героями, тысячи портретов, десятки тысяч диалогов, и все время слова, слова, слова.

Где сейчас эти «будущие гении»? Чем занимаются? Написали ли они свой главный роман? Как сложилась их жизнь?

Я не помню даже фамилий «подававших надежды». Мы собирались по выходным в редакции городской газеты. Читали свои рассказы, стихи, главы из ненаписанных книг, но чаще всего на суд зрителей выносился записанный на мятых листах бумаги «поток сознания».

Эти тексты нельзя было назвать рассказом, зарисовкой, повестью, но они имели успех. Вычурные фразы, странные обороты речи, отсутствие сюжета – все это казалось тогда чем-то новаторским, гениальным, но только в авторском исполнении. Стоило взять в руки измученный автором листок бумаги и посмотреть на синие кривые строчки своими глазами, как тут же исчезал «ораторский гипноз» исполнителя, и написанный текст уже не казался таким гениальным.

Почему именно сейчас мне вспомнился этот «литературный поток сознания»? Ответа нет. Просто на холодном зимнем пляже после приливной волны остается еле заметная цепочка моих следов, так и в памяти моей растворились без остатка лица непризнанных гениев из евпаторийского ЛИТО, но остался завораживающий голос и «поток сознания» неожиданно появившегося и навсегда исчезнувшего человека.

В воскресенье тринадцатого я дописывал очередную главу нового детектива о народном мстителе. Мой главный герой, журналист-убийца, весьма похожий на самого автора, взорвав машину со столичными грабителями, завершал финальный диалог с женщиной-свидетелем. И вот она уже пошла с букетом желтых роз, чтобы положить их на только что убитого честным человеком разбойника, как вдруг звякнул телефон, напоминая, что в реальной жизни через полчаса меня ждут в евпаторийском ЛИТО с тридцатиминутной речью.

А у меня перед глазами желтые розы, женщина-свидетель, взорванная машина и три мужских трупа. Я смотрю на будильник, отсчитывающий минуты. Надо срочно дописать абзац. А может, их оставить в живых? Я же могу даровать им жизнь. Три недостойных негодяя лежат без движения на залитом желтой краской асфальте. Убить или оставить. Быстро скользят минуты в часах. Бог с ними – я дарую им жизнь. Это их день – 13 января 2008 года, потому что сегодня меня пригласили в ЛИТО выступить перед теми, с кем начинал, рассказать об итогах и, наверное, научить чему-то тех, у кого еще все впереди. Последним – я могу только завидовать.

Я убираю слово смерть из третьей главы. Три негодяя переживут «Тайну красного чемодана», но доживут ли они до конца книги, не знает никто, даже автор, потому что детектив я пишу вместе с читателями и тут же выкладываю только что написанное в Интернет... Это первый подобный опыт создания криминального чтива в реальном времени.

Я отключаю компьютер и возвращаюсь в суету моего родного города, где нет отравленных бумажников, взрывов машин и желтых роз. Меня ждут в ЛИТО.

Перекресток Победы – Некрасова. Красный глаз светофора, за спиной городской ЗАГС, впереди памятник маршалу Соколову, а через два дома профсоюзная обитель, приютившая на время местных поэтов, писателей и тех, кто пытается заявить о себе.

Я вываливаю из дипломата свои книги, те, что вместились в его нутро, и выставляю в длинный ряд на столе президиума. В той прошлой жизни в ЛИТО не было стола президиума, поэтому, наверное, никто и не тащил туда своих книг. Но сегодня я должен говорить какие-то слова о творчестве, отчитаться о проделанной работе. Вместо этого я рассказываю о том, как меня известный русский писатель Владислав Бахревский отхлестал однажды прилюдно за то, что я приношу в ЛИТО короткие малохудожественные тексты и называю их рассказами. Он говорил, что рассказ – самый трудный литературный жанр, и написать его дано не каждому.

– Я бы тебе советовал написать роман, – завершил вдруг полный разгром моего творчества Владислав Анатольевич. – Ты знаешь такое, о чем не знает никто из профессиональных писателей.

– Роман о сумасшедших, – недовольно бросаю я Бахревскому.

– Нет, – качает он головой. – Напиши роман о жизни, о людях, о тех, кто оказался в критической ситуации. О наркоманах и врачах.

Больше в ЛИТО я не ходил. Я обиделся, потому что не представлял, как можно сесть и написать огромный текст, как выстроить сюжет, чтобы он захватил читателя и держал в напряжении до последней страницы.

Дома я забросил на шкаф свои рассказы и забыл о ЛИТО, как о страшном сне. Воскресные разговоры о литературе и поэзии я поменял на походы в горы, летние заплывы в море и умные разговоры с любимыми женщинами.

А потом я написал роман, затем второй, третий... Стотысячные тиражи, фильм по мотивам на киностудии имени Горького в Москве и рекомендация в Союз писателей, подписанная... Владиславом Бахревским.

– Я же говорил тебе – пиши роман, – напомнил наш последний разговор в ЛИТО Владислав Анатольевич.

– Я просто умею держать удар, – возразил я своему наставнику. – И книги эти писал десять лет, ни с кем не советуясь и никому не показывая.

Я пересказываю эту историю тем, кто делает первые шаги в литературе, и говорю, что никогда не читаю чужих текстов, потому что боюсь ошибиться, потому что я не судья, и не каждый из тех, кто сегодня приходит в ЛИТО, способен держать удар, как санитар из психушки.

На этой встрече я хотел рассказать им еще о «потоке сознания» и авторском прочтении текста. О том, что роман невозможно написать, пока он не превратит тебя в своего раба, пока выдуманные тобой герои не заживут своей жизнью в твоей голове, и ты не услышишь их голоса, и не станешь говорить с ними, как с живыми людьми. А еще мне хотелось рассказать буду-

щим писателям о замерзшем пляже и морской волне, которая смывает следы на песке, так же, как неумолимое время уничтожает память о тех, кто приходил в этот мир со своим «потокосознания».

Вместо этого я пересказываю только что написанную главу с желтыми розами, взорванной машиной и оставленными в живых грабителями. Меня внимательно слушают и не могут понять, при чем тут женщина с розами.

Вспоминая сюжет, я задумываюсь, и правда, а откуда она взялась – эта женщина с желтыми розами. Мелькнет в эпизоде и исчезнет навсегда. Стоило ли тратить время на ее портрет, диалог, если она даже не свидетель убийства, не героиня, не моя знакомая, которую просто хочется «вставить в текст» из-за ее красивой фигуры, мягкого голоса и дамского шарма.

Когда торговка цветами появилась на остановке автобуса со своими желтыми розами, мне и в голову не могло прийти, что Марат заставит ее положить цветы на грудь погибшего авторитета. Какая-то странная идея, превратившаяся в некий символ, а может, это была месть журналиста трусливой бабе с цветами, которая не хотела помочь обворованному человеку. Мой герой отомстил ей, зло и беспощадно, превратившись на ее глазах из жалкого «терпилы» во всемогущего «народного мстителя», взрывающего автомобили, а колючие желтые розы стали символом силы и справедливости.

Все. Пора тормозить. Я вгоняю ничего не значащий для сюжета моего романа эпизод в рецензию на книгу. Так поступают литературные критики. Выхватив из романа какой-то кусок текста, они начинают с умным видом хороводить его своими измышлениями, объясняя автору, что он имел в виду на самом деле. И что тогда остается автору: кивать головой, соглашаться, а может, броситься во все тяжкие и доказывать критику и читателям, что баба с цветами – всего лишь поток сознания и, выписывая ее образ, ничего подобного он не думал. Да кто ж тебе поверит, если своим коллегам из ЛИТО ты толком так и не смог ничего объяснить.

Можно было бы поговорить об этой женщине с Владиславом Бахревским. После вступления в Союз писателей я вновь стал встречаться со своим учителем и приносить ему рассказы, один из которых был даже опубликован в газете «Совершенно секретно».

Тем самым я хотел доказать Владиславу Анатольевичу, что уже освоил и этот самый трудный жанр. Но думаю, что ему достаточно и своих литературных героев, сочно выписанных, навсегда запомнившихся миллионам читателей.

Ладно, бог с ней, с продавщицей желтых роз. Кому она интересна, кроме автора. Читатель детектива пролистнет ее и навсегда забудет, потому что в ней нет тайны и она ничто для сюжета. Просто яркий эпизод, один из тысячи в моем длинном романе по имени жизнь.

Сто тысяч гривен за рассказ про пекаря

В советское время за книги можно было сесть в тюрьму, попасть в сумасшедший дом и навсегда стать «не издаваемым» и «не читаемым». Но пришло другое время, сменилась идеология, и за что раньше сажали, сегодня возносят и награждают. В отличие от борцов за светлое будущее и «незалежность» Украины, в моих книгах не было сиюминутной политики. Я писал о людях, закручивая криминальный сюжет вокруг придуманной мною истории. И никогда не думал, что человек, «узнавший» себя в одном из книжных героев, потащит автора в суд, требуя с него сто тысяч гривен за нанесенный моральный ущерб. История эта многим покажется «дикой и смешной», а особо недоверчивым – писательскими фантазиями. Но все это было со мной наяву: и суд, и свидетели, и адвокаты. Мало того, известный русский писатель Владислав Бахревский направил в суд рецензию на мой короткий рассказ, в которой были такие слова:

«Серьезные писатели невыдуманных историй не пишут. Писатель мыслит образами, а образ – не фотография, не портрет даже очень колоритного человека. Писательские образы, иначе говоря, персонажи рассказов, романов – это приговор времени. Через персонажи и картины жизни, якобы конкретные, а на самом деле нафантазированные, писатель раскрывает суть современности, всю ее подноготную».

А теперь, правда из первых рук о подсудимом рассказе, написанная мною несколько лет назад.

Эту рецензию на один-единственный рассказ, а она у меня хранится в особой папке «расстрельного архива Марка Агатова», уже можно включать в книгу рекордов Гиннеса Украины, а может, и всего бывшего СССР. (На мировую славу я не претендую, хотя может быть, и там подобного прецедента не удастся отыскать).

Но не буду томить читателя длинными «детективными подводками» к раскрытию главной тайны криминального чтива, а расскажу обо всем по порядку.

В 2002 году я работал в газете и параллельно сочинял детективные истории. Честно говоря, делать это было непросто, потому что газета ежедневно требовала информацию о курорте, интервью с начальниками и судебные очерки, а мне хотелось писать рассказы и наконец-то закончить очередной криминальный роман. Поэтому, чтобы выполнить план «по-строчкам», я предложил редактору опубликовать в газете несколько моих криминальных рассказов. Написаны они были «газетным языком», легко читались и могли добавить нашему изданию новых подписчиков, любителей детективов. Но чтобы не превращать в глазах серьезных читателей «общественно-политическую газету» в нечто «литературно-художественное», в последний момент на полосе над моими текстами сменили рубрику «рассказ» на «невыдуманную историю». Я вначале даже не заметил новой рубрики и продолжал посылать свои рассказы в редакцию. Их печатали, я выполнял «план по строчкам», а в свободное время работал над криминальным романом о крымской мафии и наемных убийцах. Эта идиллия продолжалась недолго.

Через месяц после публикации рассказа «Пекарь химзавод не купит» в своем почтовом ящике я обнаружил повестку в суд. Оказалось, что в главном герое моего произведения себя узнал евпаторийский предприниматель, фамилия которого так же, как и в рассказе, начиналась на букву П. За это узнавание он потребовал с автора и редакции газеты в качестве компенсации за нанесенный моральный ущерб сто тысяч гривен. Сумма для Крыма в то время была запредельной. Что же не понравилось гражданину П., и почему он так высоко оценил

свои моральные страдания? На этот вопрос, я думаю, вы сможете ответить сами, дочитав этот рассказ до конца.

«Невыдуманная история: «Пекарь химзавод не купит»

Был холодный февральский день. От нечего делать я забрел на старый деревянный причал. На стульчиках сидели трое скукоженных мужиков. Временами они извлекали из воды рыболовецкие снасти, меняли на крючках наживку и, поплевав на извивающегося в предсмертных муках червяка, забрасывали его в холодное море.

Тишину нарушил мужик в рваной фуфайке и теплых солдатских брюках:

– Пекарь теперь завод к своим загребущим лапам прибрать надумал, химический, а у меня опять одна зеленуха клюет.

– Это какой Пекарь-то? – спросил сидящий рядом толстый мужик в роговых очках. – Не Василий?

– Он самый, стервец, – старик приподнялся и вытащил из-под себя изрядно помятую газетку с разрисованным чернильной пастой портретом местного предпринимателя. – Харюто, смотри, какую отъел на чужих харчах! Все хитростью да подлостью заимел: и машину, и деньги, и рыбзавод.

– Гнусный тип Пекарь, – подтвердил очкарик. – Ворюга, по роже видно.

Рыбаки перестали смотреть на поплавки и начали активно обсуждать героя газетной заметки.

– А первые деньги он у меня украл, – продолжил старик. – Кабак на набережной «Три пескаря» видели? Так это моя точка была, и если б не этот прохиндей, имел бы я стабильный доход.

– На тебя Пекарь с бандитами наехал? – заинтересовался тощий мужчина в драной солдатской шапке-ушанке.

– Тогда у него еще бандитов не было, – достал из кармана махорку старик. – Дело это происходило в начале девяностых. Я тогда другим человеком был. В духовом оркестре играл на похоронах да на свадьбах. А тут кооперативы в городе появляться стали. Предложили нам в аренду танцплощадку в парке. Со ста рублей выручки трояк надо было отдавать исполкому. Подсчитали мы с лабухами будущие доходы, и давай танцплощадку в порядок приводить. Первым делом асфальт новый положили, чтоб танцевать людям можно было, не спотыкаясь, забор покрасили, за все про все тышчонку пришлось выложить. По тем временам это были большие деньги, но мы надеялись за первый же месяц их «отбить».

Вначале все шло как по маслу. Народ к нам валом валил. По полтинничку с носа – за вечер до ста рублей набегало. При таких темпах до конца месяца все расходы могли бы покрыть, а с июля и на себя поработать. И тут на нашу беду Пекарь нарисовался. Он тогда начальником первого ЖЭКа работал, а наша танцплощадка на его территории оказалась. Походил он вечером вокруг, посетителей посчитал, и после закрытия ко мне с разговором. Я, говорит, по линии ЖЭКа за эту территорию отвечаю, дворники там, мусор, так что давайте – каждый вечер на коммунальные нужды наличкой по чирику.

Я, понятно, в амбицию, за какие такие коврижки жэковской крысе платить буду по триста рублей в месяц? Короче, послал Пекаря куда подальше, но он не успокоился, телегу в исполком накатал, мол, из-за нашей музыки у курортников мигрень одна на нервной почве, спать им вечерами мешает духовой оркестр со своими трубами и барабаном. Жэковскую бумагу в отдел культуры переслали, заведующий меня вызвал, и открытым текстом: «Ты бы с Пекарем договорился, а то он жалобами замордует тут всех».

Я, конечно, послушался шефа, пошел в ЖЭК, а Пекарь с меня двадцатку за вечер потребовал. Я музыкантам рассказал о вымогателе, все орать стали: если мы одному давать на лапу начнем, то завтра их целая очередь выстроится.

Очкарик, внимательно слушавший рыбака, многозначительно произнес: «Судя по твоему прикиду, платить Пекарю вы не стали, и он разорил ваше предприятие».

– Да как хитро сделал, – в сердцах сплюнул на землю бывший музыкант. – Короче говоря, на следующий вечер заявляется Пекарь на танцплощадку уже не один, а с Гуревичем – инженером первого ЖЭКа. Походили они по площадке, асфальт пощупали для чего-то, а потом этот самый Гуревич тоном профессора заявляет, что положили мы, значит, неправильный асфальт, загрязненный всякими вредными примесями. Ты видел такое, чтобы асфальт неправильный был? Мы машину эту с асфальтом аккурат от стен горисполкома увели за двадцатку.

Я Гуревичу так и врезал тогда с юмором: «Мол, если у нас асфальт поменять надо, то и у исполкома снимай его немедленно, чтоб начальство не передохло».

Пекарь на мою речь тогда ничего не сказал, но неделю не появлялся в парке. Мы уж думали, что отстал лихоимец, да не тут-то было. Начали у нас на танцплощадке подлинные безобразия происходить. Только танцы начнем, женщины к выходу бежать, ноги из-под платьев красные, на глазах слезы, следом за ними мужики уходят, а у музыкантов к концу вечера глаза слезятся и чешутся. Что только мы не делали, чтоб от этой напасти избавиться: и скамейки сменили, даже шифер цветной с решеткой отодрали – ничего не помогло. А на шестой день заявился к нам Гуревич с Пекарем и врачи из санэпидстанции, пробы воздуха взяли, людей опросили, и даже кусок асфальта отодрали от пола на экспертизу. А танцплощадку до выяснения обстоятельств опечатали.

Я в отдел культуры, а заведующий мне шепчет: «Я ж предлагал тебе по-хорошему с Пекарем вопрос решить, а ты денег пожалел». Я из нашего разговора так ничего и не понял: ну какая связь между взяткой начальнику ЖЭКа и аллергией у танцующих. А тут еще из санэпидстанции предписание пришло: снести экологически опасный объект с лица земли.

Пекарь тут уж расстарался. На следующий день бульдозер в парк пригнал и площадку танцевальную в клумбу превратил, а к следующему лету на месте танцплощадки ресторан соорудил. Говорят, что у него в доле заведомо культуры Петров и санитарный врач вместе с Гуревичем.

– Ну а зуд-то отчего возникал у танцоров? – спросил очкарик, извлекая из воды очередную зеленуху.

– От медуз, – зло сплюнул старик-музыкант. – Мне потом пацаны по секрету рассказали, что Пекарь, после того, как я не стал ему мзду платить, собрал беспризорников и предложил им работу не пыльную, но денежную. Каждое утро они должны были выловить в море по десять голубых медуз и принести в ЖЭК. Пацаны выкладывали медуз на жестяную крышу ЖЭКа и тут же получали свой гонорар, по двадцать копеек за штуку. За день эти морские твари усыхали на солнце, и все, что от них оставалось, малолетние негодяи рассыпали вечером на танцплощадке. Когда люди начинали танцевать, ядовитая пыль поднималась с земли и оседала на открытые части тела танцующих дам...

– Здорово он тебя обул, – расхохотался очкарик, выбрасывая несъедобную зеленуху обратно в море. – За такие открытия Пекаря надо к премии представить Нобелевской.

– Убивать таких знатоков надо, – обозлился бывший музыкант. – Ты знаешь, что он в интервью журналисту наговорил: «Я, как член общества охраны природы, установил в море мидиевые ловушки, и эти санитары морских глубин теперь ежедневно очищают тысячи кубометров воды, и недавно заключил договор с французами на поставку черноморских мидий в Париж, на сто тысяч долларов». Представляете?

Сидевший у края причала сорокалетний мужчина повернул голову в сторону музыканта и спросил: «Пекаря вашего Василием зовут?».

– А что, личность знакомая? – протянул газету музыкант.

– Значит, это он к нам на химзавод приходил. Я еще подумал, где он деньги возьмет на покупку завода? – пробормотал мужчина. – А он, оказывается, завод за счет мидий купить надумал.

– Пекарь ваш завод закроет, оборудование продаст, а в акватории бухты моллюсков выращивать станет. Он об этом по телевизору уже говорил, – «обрадовал» мужчину музыкант. – А ты по моим следам пойдешь в безработные, господин инженер.

Мужчина еще раз перечитал интервью Пекаря в газете и удивленно спросил: «Интересно, где этот Пекарь здесь экологически чистых моллюсков выращивает? В заливе грязи больше, чем в канализации».

– Для французов этот прохиндей специальную плантацию мидий построил в открытом море. Лягушатники там пробы воды десять раз брали, чтоб ни металлов ядовитых, ни бактерий в их деликатесах не было. Пекарь в это дело все свои деньги вложил, кредитов набрал на полмиллиона долларов. Квартиру, дачу, машины – все заложил.

Инженер-химик некоторое время неподвижно сидел на краю пирса, прикрыв глаза, наконец, решившись, сказал: «Спорю на бутылку водки, что ваш Пекарь через два месяца пойдет по миру и будет прятаться от кредиторов».

– Ты еще Пекаря не знаешь, – возразил музыкант. – Этот глист через самую узкую щель выползет наружу, и ты водку проиграешь.

– Разбивай, очкарик, – радостно закричал инженер. – Не увидят французы черноморских мидий, как своих ушей.

Через два месяца троица встретилась на том же причале. Инженер-химик был в приподнятом настроении, при галстук, а музыкант все в той же рыбацкой робе.

– За водкой беги, – как ребенок радовался инженер. – Обанкротился Пекарь. Милиция его в розыск объявила.

– Водку я принес, – забормотал музыкант униженно. – Но как тебе удалось это сделать?

– Вася Пекарь в школьном кружке бабочек изучал и медуз разных, а я химией увлекался с ранних лет. По барию научную работу писал.

– Ну и что с того? Я тоже с детства на скрипке играл, – обиделся музыкант.

– Скрипка – это баловство, а вот хлорид бария – очень серьезное вещество. И, что интересно, на нашем химзаводе его как раз и производили до недавнего времени.

– И при чем тут Пекарь?

– Дело в том, что хлорид бария хранился у меня в лаборатории. Я набрал бутылек трехлитровый, сплавал к мидиевым плантациям на шлюпке и нечаянно уронил его за борт. Месяц назад Пекарь собрал свои деликатесы и на самолете отвез в Париж. Там сделали анализ и поняли, что Вася Пекарь – особо опасный преступник, который надумал отравить французских гурманов хлоридом бария. Смертельная доза этого яда для человека 0,8 грамма, как раз столько идет на одну порцию мидий. Французы хотели Пекаря заточить в тюрьму, да он вовремя смылся.

Музыкант извлек из сумки бутылку водки, разлил по пластиковым стаканам и с горечью произнес: «И чего это я в школе химию не учил на уроках».

Рассказ «Пекарь химзавод не купит» был опубликован в газете 17 мая 2002 года. А потом началась девятимесячная судебная тяжба с гражданином П., который узнал себя в главном герое и требовал с автора эпохального произведения сто тысяч гривен за свои моральные страдания.

Для того, чтобы объяснить суду, что в рассказе речь идет о литературном герое, пришлось изучить по полной программе деятельность этого предпринимателя, его биографию, запастись ответами из евпаторийского горисполкома, а на одном из десяти судебных заседаний зачитать рецензию на этот рассказ известного русского писателя Владислава Бахревского. Вот

этот уникальный документ, который сегодня приобщен к делу о защите чести и достоинства гражданина П.

Владислав Бахревский: «Пиши роман»

«Марк Агатов называет меня учителем, но возмись я писать детективы, пошел бы учиться у своего ученика.

Почти десять лет руководил я литобъединением Евпатории, областным. Из тех, кто посещал занятия, вышли очень хорошие поэты, серьезные прозаики.

Чтобы из Агатова получился писатель, пришлось крепко его обидеть. Высмеяв мелкотемье, мелкомыслие незадачливого сочинителя, я сказал ему: «Пиши роман».

Марк перестал ходить на занятия, зато написал добрую дюжину романов и повестей.

Ну, а я остаюсь «учителем». Вот только нужны ли кому теперь мои советы?

Марк Агатов – признанный мастер главенствующего жанра нашего времени – литературы о ворах, о бандитах, о проститутках, о начальниках, повязанных деловыми отношениями с криминальными авторитетами.

Мне попался рассказ Марка Агатова, напечатанный в газете «Крымское время» в рубрике «Невыдуманные истории». Рубрика – лукавство редакции: у нас вы прочитаете правду и только правду!

Серьезные писатели невыдуманных историй не пишут. Писатель мыслит образами, а образ – не фотография, не портрет даже очень колоритного человека. Писательские образы – вымысел, но вымысел этот столь естественен и впечатляющ, что в чичиковых, городничих, в ревизорах узнают себя люди во всех уголках земного шара, да еще через века.

В рассказе «Пекарь химзавод не купит» Марк Агатов представил историю, обычную для нашего времени. Скорые капиталы честно не наживаются. Борьба за деньги благородством не обременена. Кто смел, тот и съел. Большие деньги у больших жуликов. Великие у великих. Но рассказ Агатова поднимает еще одну проблему, по-настоящему глубокую и страшную.

Ладно бы в народе нашем бытовала обычная зависть к удачливым дельцам, сумевшим ухватить кусок пожирнее. Но зависть, не знающая меры, это – ненависть. Ненависть, порождающая преступление.

Бизнесмен, пусть не безупречной честности, добился выгодного контракта. На миллион! Кому вредно, что в чистой морской воде будут выращивать мидии на экспорт? Деньги-то придут в твой город! В твоём городе будет работать миллион.

Да, химзавод закроют, его отходы убивают природу, но работающий миллион создаст новые рабочие места.

Когда-то выбившимся из нищеты мужикам пускали под крышу «красного петуха». Не убыло злобы, время народы не лечит.

В море, на плантацию мидий, будто бомба, летит бутылка отравы. Пекарь разорен, народ ликует. А ведь срублен сук, на котором сидим.

...Нет, Марк! Для такой темы мало рассказа. Пиши роман!

Владислав Бахревский 12.09.2002 г.».

Я последовал совету известного русского писателя и написал роман «Семен Водкин-имиджмейкер», в который отдельной главой включил рассказ «Пекарь химзавод не купит».

Единственное изменение, которое я внес в электронную версию книги, – заменил имя и отчество главного героя. В газетном варианте его звали Анатолий Николаевич, что очень раздражало господина П., в книге он стал Василием Алибабаевичем. Думаю, что такое «киношное» словосочетание подтолкнет гражданина П. к мысли, что Пекарь – все-таки литературный герой, а не реальная личность из города Евпатории.

После нескольких заседаний суда гражданин П., осознав бесперспективность дальнейших дебатов, стал уклоняться от явки в суд, в связи с чем судья местного суда Игорь Кабаль 11 апреля 2003 года принял решение:

«ИСК гр. П. АНАТОЛИЯ НИКОЛАЕВИЧА... О ЗАЩИТЕ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА, ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ И О ВОЗМЕЩЕНИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА, ОСТАВИТЬ БЕЗ РАССМОТРЕНИЯ».

29 апреля 2003 года это решение вступило в законную силу.

Сегодня, вспоминая эту давнюю смешную историю, я хочу особо отметить, что благодаря этому судебному процессу я был вынужден написать криминально-сатирический роман «Семен Водкин-имиджмейкер», прототипом одного из героев которого и стал предприниматель П.

Когда меня спрашивают, откуда вы берете сюжеты для своих книг, я отвечаю – из жизни, из судебных процессов, из общения со своими знакомыми, соседями, предпринимателями, милиционерами, политиками и «городскими сумасшедшими».

Один дотошный чиновник меня спросил, для чего этот текст я включил в книгу воспоминаний. Ответ на поверхности: чтобы показать читателю, в какое интересное время мы жили, когда «чичиковы» и «городничие» бегали по судам, защищая свою честь и достоинство, узнав себя любимых в героях литературных произведений.

И чтобы закрыть эту тему, поясню, что иск господина П., узнавшего себя в герое рассказа «Пекарь химзавод не купит», по времени совпал с еще тремя подобными судебными исками, один из которых подал в суд лично премьер-министр правительства Крыма Сергей Куницын. Он требовал изъять из продажи мою книгу «Премьер Куницын и его команда». Люди из окружения Куницына потом рассказывали, что все эти четыре иска совпали по времени не случайно, и цель их была якобы одна – обелить в глазах избирателей Сергея Куницына и заткнуть рот независимому журналисту.

А теперь несколько слов о самой книге, которая вызвала столь бурную активность крымских чиновников.

В анонсе на первой странице книги «Премьер Куницын и его команда» было написано следующее: «Марк Агатов – волей судьбы стал свидетелем и участником многих трагических событий в Крыму. Проводя журналистские расследования заказных убийств, совершенных на полуострове, автор неоднократно сталкивался с противоправными действиями местных чиновников, фактами коррупции, взяточничества, расхищения бюджетных средств.

Книга «Премьер Куницын и его команда» рассказывает о делах крымской исполнительной власти, оказавшихся в поле зрения контролирующих органов и журналистов, о криминальных разборках, заказных убийствах, бандитизме и должностных преступлениях.

Автор надеется, что выход в свет книги «Премьер Куницын и его команда», являющейся логическим продолжением «Спикера-убийцы», поможет читателям по достоинству оценить деятельность некоторых крымских чиновников, политиков, бизнесменов и сотрудников правоохранительных органов».

Как я и предполагал, читатели, прочитав мою книгу, правильно оценили деятельность Сергея Куницына. А вот самому Куницыну она не понравилась. Судился я с тогдашним премьером года два, не меньше. За это время весь тираж книги был продан в Крыму, мало того, в Киеве эту книгу от моего имени подарили каждому депутату Верховной Рады Украины и библиотеке высшего законодательного органа страны. Через несколько лет, когда я уже сам работал в аппарате Верховной Рады Украины, смог лично полистать книгу «Премьер Куницын и его команда» в читальном зале главной библиотеки страны.

Судебные процессы в Крыму показали, насколько беззащитны перед чиновничьим произволом были журналисты и писатели. Защищая в суде свое право писать и говорить правду, я вскоре и сам стал правозащитником, собкором Фонда Защиты Гласности в Крыму.

Дописав этот абзац, вдруг поймал себя на мысли о схожести моей судьбы с судьбой поэта и писателя-крымчака Александра Ткаченко. Сменив профессию, Александр писал стихи, потом прозу, а в конце жизни оказался в рядах правозащитников. Только права журналистов и писателей Ткаченко защищал в Москве, а я в Крыму и на Украине.

Страницы биографии. «Детективы от Агатова»

В июне 2013 года, собирая документы для передачи в государственный архив, я наткнулся на свидетельства о регистрации двух газет «Детективы от Агатова» и «Воры в законе». Третьим изданием, которое я издавал в Крыму в бандитские девяностые, был журнал «Детективы». С изданием этих газет и журнала связана весьма поучительная история.

За два дня до московского путча, ГКЧП и круглосуточного балета по всем телеканалам страны в Симферопольском издательстве «Таврида» я получил сигнальные экземпляры своей новой книги «Смерть рэкетирам!». Ее должны были отпечатать сотысячным тиражом.

Книги я принес в крымскую телестудию, где вместе с известными актерами, среди которых был Валерий Баринов и режиссер Геннадий Байсак, мы рассказывали о съемках художественного фильма «Игра на миллионы». В титрах на первом стоп-кадре этого фильма после взрыва появлялась надпись: «По мотивам повести К. Агатова «В паутине смерти».

Презентация книги и фильма прошла весело и интересно. На следующий день после эфира было много разговоров об этой передаче и поздравлений от коллег-писателей, искренних и не совсем. А 19 августа 1991 года поездом я отправился в Москву «защищать демократию». Там меня ждали баррикады у стен Белого дома, «коктейль Молотова» и инструкции воинов-афганцев, как поджигать БэТээРы и танки. Потом была попытка прорыва, трое погибших защитников «Белого дома» и сессия Верховного Совета РСФСР, на которой я присутствовал в качестве журналиста, арест членов ГКЧП и эйфория после НАШЕЙ ПОБЕДЫ! Домой я вернулся «Защитником Белого Дома».

А в это время в Крыму громили ненавистные горкомы и райкомы, описывали имущество компартии и выгоняли с работы тех, кто остался верен своим коммунистическим принципам, поддержав ГКЧП.

Одной из жертв «демократических репрессий» стал и мой давний знакомый редактор «Евпаторийской здравницы» Илья Борисович Мельников.

Вот как он описывает ситуацию, сложившуюся в городе после ареста членов ГКЧП:

«Необычайно свежи в памяти события тех дней и последовавших за ними месяцев и лет. В одно отнюдь не прекрасное августовское утро 91 года вижу из окна редакции: возле здания горкома партии толпится возбужденная публика. Затем она врывается внутрь. Не видел, что «революционеры» там делали, но стало ясно – эпоха всевластия Компартии и в нашем городе завершилась.

Активисты воспрянувших антикоммунистических элементов деловито описывали имущество КПСС, стали «доставать» и газету. Причем один из сотрудников редакции пошел в открытую атаку на меня. Дескать, член горкома, пользовался привилегиями, и так далее.

Конечно, глупость этих «закидонов» была очевидной. Но поскольку коллектив робко промолчал в столь острой ситуации, я просто сложил с себя редакторские полномочия.

Встал вопрос – чем заниматься? И тут от умного, предприимчивого земляка Марка Пурима, ныне он один из активнейших депутатов горсовета, поступило предложение: стать редактором необычного издания «Детективы от Агатова». Я, конечно, согласился.

Печатали мы эти своеобразные журналы в Симферопольской типографии, люди покупали их в киосках «Союзпечати», у общественных распространителей, в том числе в электричках. Популярности издания

способствовала и присущая Марку писательская интрига, и очень удачные рисунки привлеченных художников.

Стали выпускать и более солидные по объему и содержанию издания. Но вскоре ситуация в этой сфере предпринимательства, как и во многих других, усложнилась, рентабельность затрат приблизилась к нулю. Вынужденно пришлось заняться чем-то другим».

(Илья Мельников «О родных, о времени, о друзьях». 2012 год)

Илья Борисович был редактором от Бога, но когда я оформил его к себе на работу, ко мне стали подходить так называемые демократы, тихонько пересидевшие в своих квартирах «битву с ГКЧП», с разговорами о том, что я совершаю политическую ошибку, взяв к себе в редакцию Мельникова. Выслушав доброжелателей, я тут же посылал их, куда подальше.

Вначале девяностых газета «Детективы от Агатова», в которой печатались детективные повести и рассказы, выходила 20-тысячными тиражами. Издали мы тогда и журнал, больше похожий на книгу. В журнале «Детективы» были опубликованы мои повести «Смерть рэкетирам», «Кошмар из прошлого» и «НЛО над Форосом». Стотысячный тираж этого журнала разошелся довольно быстро.

А потом население самой читающей страны обнищало до такой степени, что перестало покупать книги. Я свернул издательство, закрыл газеты и журнал, но, как и прежде, поддерживал хорошие отношения с Ильей Мельниковым и... его активным оппонентом Юрием Теслевым, тем самым сотрудником редакции «Евпаторийской здравницы», из-за которого после путча Илья Борисович Мельников и ушел на вольные хлеба. Мало того, на одной из фотовыставок в Евпатории мне удалось сфотографировать мирно беседующих Юрия Теслева и Илью Мельникова. Кстати, Илья Борисович Мельников через несколько лет вернулся в «Евпаторийскую здравницу» на прежнюю должность редактора. Вот такая ГКЧПешная история приключилась в курортной Евпатории.

Но вернемся в бандитские девяностые. Весьма неожиданный сюрприз автору этих строк преподнес 1994 год. Меня пригласили на работу собкором в одну из ведущих газет России – «Коммерсантъ». На первых порах в «Коммерсанте» я писал о бандитских разборках и убийствах предпринимателей, среди которых было немало моих знакомых. (Вначале девяностых я участвовал в создании профсоюза и Союза предпринимателей Крыма).

Много времени уходило у меня и на общение с депутатами Верховного Совета Крыма и чиновниками Совмина АРК. «Коммерсантъ» требовал комментарии только первых лиц на любые темы, будь то ЧП или «судьбоносное» решение парламента, и тут уж без личных связей и прямых телефонов САМОГО было не обойтись. В «Коммерсанте» я проработал десять лет. Потом печатался в московских «Новых известиях», «Труде», питерских журналах «Вне закона», «Калейдоскоп».

Работая журналистом, я продолжал писать детективы. Только героями теперь были не сумасшедшие и врачи-психиатры, а журналисты, предприниматели и чиновники. Так на свет появилась книга «Журналист-убийца», главный герой которой был «списан» с самого автора.

Владислав Бахревский: «После смерти человек оставляет свой образ»

Несколько лет назад Владислав Анатольевич впервые заговорил со мной «под диктофон» на «диком» евпаторийском пляже. Это был разговор ученика и учителя.

Из первого разговора «под диктофон» я сделал сухое «газетное интервью», другого бы просто не напечатали в крымской газете. Редактор на «летучках» поучал репортеров: «Читателям нужны не размышления, а „актуальная конкретика“, привязка к дате, к событию, к информационному поводу». И завершал свое выступление напоминанием о том, что «газета живет один день». С этим трудно было спорить. Читателя газет, «глотателя пустот», как «собачку Павлова» приучили реагировать на призывы, происшествия и судьбоносные решения трех П. – Правительства, Президента, Парламента. Но это еще не все, чтобы материал попал на газетную полосу, нужен был «информационный повод», а если нет информационного повода, то и незачем писать о писателе или художнике.

– Ну, кому сейчас нужны размышления о вечном, о литературе и литературных героях? – твердил редактор, возвращая рукопись. – Вот если бы ваш писатель что-нибудь сказал по текущему моменту или прокомментировал решение Правительства о... И далее следовал длинный список того, что должен был прокомментировать «ваш писатель».

Комментировать «редакторский список судьбоносных решений» Владислава Бахревского я не просил. Да и что мог сказать писатель, живущий со своими героями в семнадцатом веке, о нашей безумной «незалежности», о политиках-предателях, коррупционерах, взяточниках, продажных тушках-депутатах и о будущем страны, которую сегодня называют Украина.

Зная на своем опыте, как легко рассыпаются в голове сюжетные линии и образы героев, не добравшиеся до бумаги, я старался в Евпатории не «доставать» своего учителя «умными разговорами о жизни», которые могли увести писателя из его мира минувшего. Поэтому в Евпатории мы встречались только для разговора «под запись».

Не стал исключением и 2008 год. Мы договариваемся встретиться у подъезда «летней резиденции Владислава Бахревского» – небольшой квартиры в пятиэтажном доме по улице Советской в Евпатории.

Идем в парк грязелечебницы «Мойнаки». Вечерами здесь собирается детвора со своими мамашами из ближайших домов и стоит несмолкаемый детский гомон и крик.

– А сам-то что пишешь? – спрашивает Владислав Анатольевич.

– Как-то замотался с прошлой осени, – начинаю оправдываться. – Сайтом «Крымский аналитик» занимался, фотографией, записывал воспоминания своих земляков, интервью. К тому же работа в аппарате Верховной Рады Украины отнимает много времени.

– Это не ответ. Ты же писатель, а не чиновник.

– Начинал новый роман, написал первые главы детектива, а потом «выпал из настроения», сделал перерыв, и все рассыпалось. Пропали герои, да и тот сюжет уже не вернуть. Он исчез. Если продолжить, то это будет уже другая история, – пытаюсь оправдать свое безделье. И чтобы увести Бахревского от неприятной для меня темы, вбрасываю домашнюю заготовку:

– Я бы хотел поговорить с вами сегодня не о литературе и детективах, а услышать ответ на очень простой вопрос: «Для чего мы живем? Каков смысл нашей жизни на земле?».

Владислав Анатольевич не ожидал подобного вопроса, задумывается, а я продолжаю: «Человек приходит в этот мир голеньким, потом учится ходить, говорить, с кем-то борется, наживает добро и врагов, а потом становится старым, беспомощным и покидает этот мир в разрезанном на спине черном пиджаке, оставив здесь все, что было для него важным и ценным».

– Мы живем ради жизни. Смысл жизни в памяти, памяти людской. А вот книги писателя не должны быть памятниками, они и через века должны быть жизнью. Если ты работаешь на власть, работаешь, еще хуже, на данного государя, то твоя жизнь очень короткая. Как это случилось со многими лауреатами сталинских премий. А если ты работаешь просто по велению своего таланта, для слова, думаешь о людях, о народе, книга продолжает соучастие в жизни.

От человека, любого, от великого, малого, какого угодно, остается в памяти людей одно – образ. Образ этого человека, и если мы образ не превратили в безобразия – наше счастье.

Мы говорим Лев Толстой: мы что, «Войну и мир» или рассказ о каком-то мужике вспоминаем? Нет, перед нами образ великого русского писателя. Что такое Пушкин – образ. Он может быть у каждого свой, но он – образ. Так же, как и Жуков. Для кого-то, может, Жуков и герой, а я по молодости негативно к нему относился. Жесткий человек. Наверное, на нем много крови, зазря пролитой. Но, тем не менее, это образ победителя, образ победной нашей войны.

Ты спрашиваешь, для чего мы живем, и что останется после нас. Останется ОБРАЗ. Образ человека, который посетил этот мир, прожил отведенное ему время и ушел навсегда, оставив в людской памяти свой ОБРАЗ.

Наверное, точнее не скажешь. И об этом нужно помнить каждому, кто пришел в этот мир.

А теперь, мы вернемся к предсказанию Вольфа Мессинга.

Он появился в моей жизни ниоткуда, и звали его Маркус, Маркус Крыми. Вначале, я воспринимал его как старика-отшельника, человека с криминальным прошлым, а потом он раскрыл себя. В одном из диалогов Маркус Крыми сказал героине моего романа, что он был УЧЕНИКОМ ВОЛЬФА МЕССИНГА!

И тут я вспомнил проникающий в душу взгляд великого гипнотизера и его ПРЕДСКАЗАНИЕ:

«Ты напишешь много книг. И в одной из них расскажешь о нашей встрече. А потом, когда я уйду из этого мира, в твоих книгах появится ученик Вольфа Мессинга. В книге он повторит мои опыты, но он не будет Мессингом!».

Вольф Мессинг: «Никогда не общайся с миром мертвых» Книга о Мессинге и его учениках

- Как тебе удалось узнать, что ее убьют? – спросил меня кинорежиссер.
- Ты сказал, что надо кого-то убить на первой странице. Я и убил...
- Так это правда, что ты был учеником Вольфа Мессинга? – продолжил допрос Геннадий Михайлович Байсак? В начале девяностых мы вместе работали над фильмом «Игра на миллионы».
- Был.
- Почему ты выбрал ее из тысячи пассажиров метро?
- Потому что надо было кого-то убить на первой странице...
- Ты умеешь предсказывать будущее? – настороженно посмотрел на меня режиссер.
- Нет. Только прошлое! У женщины в метро не было будущего. Вольф Мессинг научил меня предсказывать... прошлое. Это не сложно. Надо просто мысленно передвинуть стрелки на часах и увидеть то, что через несколько минут станет прошлым. Ее убили из-за красной папки.
- Ты хочешь сказать, что Вольф Мессинг передал тебе тайные знания?
- Может и передал, а может, я и это придумал, я же писатель-фантаст. Спроси у Мессинга.
- Но он же давно умер.
- Это не имеет значения. Если он пожелает, ты получишь знак. Если нет – промолчит».

В каждой женщине живет ведьма!

У хозяйки ресторана ялтинского военного санатория Елены Шереметьевой день не заладился прямо с утра. Микроавтобус санатория сломался в самый неподходящий момент, а ее супруг Сергей Иванович Шереметьев этим утром должен был ехать в Ялту на важную встречу, и везти жену в аэропорт наотрез отказался. Выручил Елену работающий в санатории массажистом Ахмет Шакиров. На своих «Жигулях» он отправлялся по делам в столицу. Положив в багажник чемодан, Ахмет пообещал Сергею Ивановичу доставить его жену-красавицу в аэропорт точно в срок, в целости и сохранности. Прощалась с мужем Елена Шереметьева холодно, без обязательных поцелуев. Утренний скандал изрядно подпортил им настроение. В отличие от Сергея Шереметьева, Ахмет широко улыбался, постоянно шутил и радовался жизни. От предложенных денег он отказался, пояснив, что хозяйка ресторана для него всего лишь – «попутный груз». Ахмету было далеко за тридцать. В Крым он переехал из Чечни после тяжелого ранения. Долгое время лечился грязями в Саках, потом выучился на массажиста и устроился на работу в военный санаторий в Ялте. Елена Шереметьева в санатории ходила на массаж в соляную пещеру, лечился у Ахмета и ее супруг, который ему полностью доверял.

Усадив Лену в машину, Сергей Иванович тут же отправился в Ялту, попросив жену позвонить из аэропорта.

В аэропорт Елена Шереметьева приехала за пять минут до посадки в самолет. Сунула девушке в униформе билет и документы, и тут же стала звонить мужу. Говорила она громко и нервно, так что ее слышали не только сотрудники аэропорта, но и большинство пассажиров.

– Сергей, еле успела. У массажиста в «Жигулях» вода закипела на Ангарском перевале. Надо было с тобой ехать. Еле поднялись на перевал. Это какой-то кошмар. Я вся на нервах. Думала, опоздала. Сейчас билет оформляют. Я тебе из Москвы позвоню. Целую.

Опоздавшую пассажирку на летное поле выпустили практически без досмотра. Дежурный милиционер протолкнул ручную кладь через рентгенустановку, а женщину досматривать не стал. Русская дама из Ялты у него не вызвала подозрений. Елена Шереметьева по трапу в самолет поднялась последней. Заняв свое место, она мельком глянула на соседа. Ему было за шестьдесят: седой, с большими залысинами, в темных очках-хамелеон с сильными линзами. Старик вежливо поздоровался с женщиной, Лена ответила, кинула в рот таблетку от укачивания и демонстративно отвернулась к иллюминатору. Она всегда боялась летать самолетами, но летала по нескольку раз в год из Москвы в Крым и обратно, потому что ненавидела поезда с потной публикой и вонючими туалетами.

Лену старик не заинтересовал. Она надеялась, что судьба подбросит ей интересного молодого попутчика, с которым можно будет поболтать о московской жизни, и если повезет, обменяться телефонами, но вместо молодого и красивого она получила на два часа полета шестидесятилетнего старика.

Старик, близоруко прищурившись, оценил даму и тут же потерял к ней интерес. Последние годы Маркус Крыми старался не заводить случайные знакомства. Он жил в своем выдуманном мире, превращая прошлую жизнь в страницы новых книг. Маркус Крыми сочинял детективы и не хотел тратить время на пустые разговоры со случайными попутчиками.

Самолет готовился к взлету. Стюардесса предложила пассажирам пристегнуть ремни безопасности и отключить мобильные телефоны. У Маркуса Крыми было два мобильного, и он, как законопослушный гражданин, занялся этим делом. На одном телефоне он сменил украинскую SIM-карту на московский «Мегафон». А вот со вторым телефоном вышла заминка. Вместо того чтобы отключить телефон, старик, нажав не на ту кнопку, переключил его в режим видеозаписи. И тут же в кадр совершенно случайно попала соседка. Внешний облик женщины поразил старика – лицо белое, как полотно, губы дрожат, а глаза в страхе мечутся по сторонам.

– Черт меня дернул согласиться на этот полет, – одними губами произнес старик, – лететь в Москву тринадцатого в пятницу – безумие.

Маркус Крыми 13-го в пятницу никогда не выходил из дома, но на этот раз ему пришлось сделать исключение. 13 апреля в Москве должна была состояться презентация его новой книги. Название у нее было весьма необычным – «Тринадцатая книга». Это странное название и подтолкнуло московских пиарщиков устроить презентацию книги в Москве 13-го апреля 2012 года. И отказаться от презентации он не мог, потому что магазин на Арбате был один из самых популярных в столице. Провести презентацию книги на Арбате уже само по себе гарантировало хорошую рекламу, а увязка с пятницей тринадцатого обещала хорошую прессу для целевой аудитории. Все криминальные сюжеты в книге были построены «на магии чисел», психологии, предсказаниях и гипнозе.

– И вот вам обратная сторона медали: Кассандра, предсказывающая смерть, – вполне отчетливо произнес старик. Женщина на его слова никак не отреагировала. – Похоже, что эта дама не знает, кто такая Кассандра. А может, ей уже не до разговоров, или она потеряла слух? Худшее, что может произойти, – сбывшееся предсказание ведьмы.

Человек верующий наверняка осенил бы крестом объятую ужасом женщину, но старик был атеистом. Он напряженно смотрел на окаменевшее, похожее на посмертную маску лицо соседки и не знал, что делать. Старик уже хотел вызвать стюардессу, но неожиданно ему в голову пришла странная мысль: «У меня дополнительная страховка на десять тысяч евро от взрыва и гибели!».

От этой мысли старику стало легче. Нет, не из-за того, что его гибель будет достойно оплачена, а потому, что эта страховка, как ему казалось, была гарантией от взрыва. ОН НИКОГДА НЕ ВЫИГРЫВАЛ В ЛОТЕРЕЮ! Умный человек сказал бы, что дополнительная сотня рублей при оформлении билета не сможет спасти самолет от гибели. Но сейчас его не интересовали чужие слова. Глупая мысль о страховке вернула его в реальный мир.

Старик попытался заговорить с женщиной, но она уже ничего не слышала, ни на что не реагировала. Во время гипноза ему удавалось доводить пациентов до каталепсии, превращая их в «восковые скульптуры». Но в данном случае не было гипноза. Женщина ушла в транс сама, создавая вокруг себя электромагнитное поле страха. Старик ощущал эти волны страха на себе. Электронным вихрем они металась по салону самолета, передавая страх тем, кто еще минуту назад был спокоен и уверен в своей судьбе.

«Если ей удастся заразить страхом всех пассажиров, то мы не долетим до Москвы! – четко осознал он. – Борт самолета превратится в филиал сумасшедшего дома, начнется паника, и всеобщий страх приведет к непредсказуемым последствиям».

О «теории страха» Маркус прочитал в ЖЖ доктора технических наук Свердлова, который проанализировал два десятка отчетов о трагедиях, произошедших по вине летчиков. Пилоты на взлете и посадках по неизвестной причине совершали непростительные ошибки, превращая обычный полет в кровавую драму. Свердлов считал, что самолеты гибнут из-за внезапного приступа страха, который не удавалось преодолеть экипажу. К этой информации Маркус Крыми вначале отнесся с недоверием, но умирающая от страха женщина заставила поинтересоваться на открытие господина Свердлова.

Женщина, которая притягивает смерть!

Старик еще раз посмотрел на соседку. Расширенные зрачки и посмертная гипсовая маска на лице. Женщина не слышит слов, рев двигателей нарастает, еще секунда, и самолет взлетит и тут же исчезнет с экранов радаров. Потом к месту аварии прилетит вертолет, спасатели, журналисты, и двое суток все телеканалы будут рассказывать о последних секундах жизни тех, кто сейчас сидит рядом с ним. С телеэкрана президент со скорбным лицом оповестит жителей страны о деньгах, которые выделяют на погребение, пообещает усилить контроль, провести расследование и наказать виновных. Потом хозяева авиакомпании свалят вину на пилотов, которые сделали что-то не так при взлете, допустили опасный крен вправо или влево, не закрыли закрылки, нажали не на ту кнопку.

Потом будет новый взрыв, новый самолет, новая авария, и о них забудут, выдвигая глупые версии трагедии. Через год закроют уголовное дело, и в гибели самолета официально обвинят мертвых летчиков. И никому и в голову не придет, что причиной гибели самолета стала женщина, сидевшая у иллюминатора в тринадцатом ряду. И даже если он выживет и расскажет людям о том, что самолет погиб из-за ее страха, ему не поверят. Потому что такого просто не может быть. СТРАХ – НЕ УБИВАЕТ!

В эту минуту Маркус уже физически ощущал, как электромагнитный страх женщины проникает в его мышцы, кожу, парализуя волю и способность к разумным действиям. Ему казалось, что через секунду волны страха проникнут в кабину пилота, и тогда произойдет непоправимое. Где-то в глубине души Маркус понимал уязвимость своих умозаключений и в нормальном состоянии он наверняка нашел бы другое объяснение, но его самого душил страх, дикий животный страх. Он уже сам был готов сорваться с места, куда-то бежать, звать на помощь.

Такое же ощущение у него было, когда санитар психбольницы Иван Крылов набросил ему на шею удавку. В «приемный покой» он приехал сам в качестве соискателя непыльной работы с большим отпуском и коротким рабочим днем. Он должен был пройти «Курс молодого бойца». Перед тем, как допустить к работе новичка, санитары учили его приемам самозащиты и технике безопасности. Самым популярным приемом у них был «сухой бром». Санитары набрасывали новичку на шею полотенце и тупо душили его. На третьей минуте объятый животным страхом и ужасом испытываемый терял сознание.

Страх смерти Маркусу запомнился на всю жизнь, но он не сломался и решил остаться в психбольнице на пару месяцев, чтобы немного заработать и испытать себя на прочность. Работа в психушке лишила его чувства страха. Выезжая по «скорой», он выбивал из рук безумцев топоры, ножи, опасные бритвы. Это была «русская рулетка» с одним патроном в стволе револьвера, но удача всегда была на его стороне, он привык рисковать и никогда не проигрывал. Но вот сегодня что-то пошло не так. Маркус Крыми впервые в жизни потерял над собой контроль. Страх и ужас добивали старика в самолетном кресле. Ему не помогли даже «волшебные слова»: «Страх – это фантазия перед опасностью! Всего лишь фантазия, а не сама опасность!»

Эта фраза много раз спасала ему жизнь, он повторял эти слова, как заклинание, и, не мигая, пристально смотрел в глаза приближающегося безумца, вооруженного ножом или опасной бритвой. Маркус следил за зрачками больного, которые выдавали направление предстоящего удара. А дальше, на автомате, уход от бритвы, подсечка и «удушающий захват». Через три минуты опасное оружие лежало на полу, а особо опасный убийца превращался в обычного пациента психиатрической больницы.

Но сегодня все было иначе. Не было привычного врага, на которого можно было воздействовать силой. Не было опасной бритвы, а был только страх, непонятно откуда появившийся, который сковал его мышцы и сердце. Надо было что-то делать. И Маркус, пересилив себя,

решил действовать так, как привык. Он ничего не говорил женщине, она не слышала слов. Мысленно повторяя секретную формулу Вольфа Мессинга, Маркус Крыми стал перемещаться в пространстве, проникая внутрь этой посмертной маски. За несколько секунд он должен был превратиться в свою соседку, проникнуть в ее мозг, настроиться на волну и стать тем, кому неведомые силы поручили сегодня взорвать самолет.

Маркус Крыми подобные вещи делал часто, потому что, уволившись из психушки, он стал профессиональным писателем. В его книгах были сотни героев со своей судьбой, со своими мыслями и желаниями. А он не мог писать о том, что не испытал сам. Поэтому Маркус Крыми мысленно превращался в своих героев. Это был его метод. Ему казалось, что, покидая свое тело, он сам становился литературным героем, чаще – убийцей, журналистом, врачом. Со временем он научился вживаться и в образ женщины. Это было совсем непросто, но тот, кто вел его руку, помогал писателю на время перевоплотиться то в удачную бизнес-вумен, то в распутную проститутку, то в «серую мышку» из соседнего офиса. Став «героиней романа», Маркус Крыми на одном дыхании писал целые главы, рассматривая окружающих «глазами женщины». Это были самые удачные эпизоды в его книгах, самые правдивые и точные. Потом старик навсегда покидал чужую оболочку и начинал смотреть на мир своими глазами. Глазами провинциального писателя и журналиста...

На «встречах с писателем» читательницы частенько спрашивали: «Как вам, мужчине, удалось так точно передать состояние женщины?».

Маркус Крыми говорил в ответ о чувствах, о том, что понимать людей научился в семнадцать лет, когда впервые, надев белый халат, переступил порог психоневрологического диспансера. Но на самом деле все было иначе. Умение анализировать и наблюдать – стало прелюдией к его главному делу жизни. Перед тем, как научиться перевоплощаться в других людей, он овладел тайнами гипноза, телепатии и внушения наяву. **МАРКУС КРЫМИ БЫЛ УЧЕНИКОМ ВОЛЬФА МЕССИНГА.**

Тем временем рев двигателей дошел до земного предела. Еще секунда, и самолет сибирской авиакомпании оторвется от земли и улетит «в никуда». Мозг сидевшей рядом женщины продолжал посылать в кабину пилота импульсы страха. Еще минута, и случится непоправимое!

Усилием воли старик, как ему показалось, преодолел защитное магнитное поле женщины и оказался внутри чужого тела. Страшные картины сменяли калейдоскопом друг друга. Вот оторвавшийся от земли самолет делает крен вправо, и весь экран закрывают летящие навстречу деревья. Самолет цепляет крылом верхушки сосен. Гремит взрыв, пламя, дикая боль и...

Это он уже где-то видел. Неужели соседка в своих мозгах крутит «чужое кино»? Точно – это фильм-катастрофа, фрагмент из игрового кино. Значит, она не предсказывает будущее. Ее мозг работает в режиме «повторного фильма» или выдает заложенную в нем программу.

В компьютерный век знатоки цифровых технологий на одном из форумов всерьез обсуждали тему о «замене файлов в мозгу человека». По этой версии Вольфу Мессингу, Анатолию Кашпировскому и их последователям во время сеанса гипноза удавалось «перезагрузить мозг человека», заменив патологический файл на нечто нейтральное, умиротворяющее, снимающее напряжение. «Замена файлов» приводила к чудесному исцелению больных прямо на глазах зрителей. У этой теории были свои поклонники, но дискуссия на форуме не получила продолжения и не заинтересовала ученых. Исследователи мозга были более консервативны. Они считали, что к излечению приводили «молниеносный гипноз» и телепатия, которой в совершенстве владели артисты оригинального жанра.

Старик никогда не вел разговоров на эту тему и никому не рассказывал о своих опытах над людьми, которые он ставил во время написания книг. В то же время он был уверен, что и без мудреных приборов можно проникнуть в мозг человека, снимая информацию при помощи гипноза. А установив рапорт (в процессе гипнотизации между гипнотизируемым и гипнотизером устанавливается связь, так называемый «рапорт»), можно не только получать

информацию о больном, но и активно вмешиваться в течение болезни. Среди болезней, которые хорошо поддавались лечению, был и невроз навязчивых состояний. Для того, чтобы излечить пациента было достаточно заменить больные клетки мозга здоровыми. Говоря современным языком, заменить «зараженный вирусом файл» новым. Это была его внутренняя, придуманная им самим теория гипноза, и она, скорее всего, была далека от реальности. Ученый – очкарик наверняка бы нашел тысячу доводов, разбивающих в пух и прах его теорию «зараженных вирусом файлов». Но яйцеголовых с правильными мыслями в салоне самолета не оказалось. Вмешаться в ситуацию они не могли, и Маркусу пришлось брать инициативу в свои руки. Он решил удалить из мозга женщины «историю авиакатастроф», заменив ее банальным детективом.

Но сделать это в данной ситуации было невозможно, потому что женщина никак не реагировала на слова, она не видела и не слышала своего соседа. Маркус опустил руку на ее колено. Мышцы у женщины были напряжены так, что ее нога показалась ему каменной и холодной. Создавалось впечатление, что ее тело скрутила страшная судорога. С Маркусом такое случилось в море, поэтому он никогда не расставался с булавкой. Выручила она его и в этот раз. Старик ткнул булавкой в напряженную мышцу, и она мгновенно отреагировала на укол. Женщина медленно открыла глаза и стала смотреть по сторонам. Маркус решил действовать. Схватив соседку за подбородок, он заставил женщину смотреть ему в глаза.

– Вы слышите только мой голос. Вы видите только мои глаза. Я буду считать до трех. На счете три – вы заснете. Вы слышите только мой голос. Вас ничто не беспокоит. Не волнует. Вы слышите только мой голос.

Он досчитал до трех, и женщина покорно закрыла глаза. Маркус, стараясь не привлекать внимание пассажиров, провел рукой у самого лица женщины. Гипнотизеры это движение руки называли малыми пасами. На нервные окончания воздействует тепло и энергия гипнотизера. Малые пасы, монотонный гул двигателя самолета способствовали тому, что Маркусу за несколько секунд удалось установить с женщиной рапорт. После чего он попытался извлечь из ее «оперативной памяти» вредоносные файлы авиакатастроф, заменив их, при помощи секретной формулы Вольфа Мессинга, детективной историей. Смысл этой операции заключался в том, что испытуемому пересказывали сюжет рассказа или повести, после чего он уже сам дорисовывал в своем мозгу эту историю.

Этот метод воздействия на испытуемых действовал примерно так же, как и команда: «Вы находитесь на поляне, кругом растут цветы, вы собираете их, вы чувствуете божественный аромат розы». И пациент не только видел поляну, чувствовал запахи, но и начинал собирать цветы, разгуливая по поляне.

Вольф Мессинг нашел способ передачи испытуемому более сложных команд. Короткий сюжет рассказа он передавал при помощи ключевых слов, а для передачи объемных текстов – Вольф Мессинг использовал телепатию, передавая их мысленно, подходя вплотную к испытуемому. Маркус повторил этот опыт. Удалив файл «авиакатастрофа» он мысленно пересказал женщине сюжет своей «Тринадцатой книги». Она состояла из нескольких историй, связанных между собой главными героями.

Маркусу показалось, что он успешно справился с поставленной задачей, и, опустив руку на колено женщине, почувствовал ее живую реакцию на «мужское прикосновение».

Главным героем детектива Маркуса Крыми был корреспондент московской газеты «Наше дело» Марат Барский. Если бы спросили Маркуса, почему для лечения «закодированной страхи женщины» он выбрал этот детектив, то вразумительного ответа от старика мы бы не получили. Ссылки на «случай» и «так захотелось» были самой обычной отмазкой. Тем более что замена «испорченных файлов в мозгу» попахивала ненаучной фантастикой. «Код страха» можно было снять более простым способом – жестким прямым внушением с переключением внимания женщины на «плотские радости». В конце концов, он мог незаметно для окружа-

ющих «прогуляться» по эrogenным зонам находящейся в состоянии гипноза дамы, подкрепляя эту процедуру соответствующим сексуальным внушением. И это было бы стопроцентным попаданием, потому что мысли о сексе и все, что с ним связано, для женщины будут всегда на первом месте, а вброс дополнительных гормонов, регулирующих детородную функцию, гарантировал смену приоритетов в мозгу соседки.

Но Маркус этого не сделал, потому что до презентации он мечтал хоть с кем-то поговорить о... своей новой книге, обсудить героев и саму детективную историю. Ему хотелось знать, будет ли интересна эта история домохозяйкам, одиноким вдовам и деловым женщинам.

И это был не праздный интерес писателя. Дело в том, что немолодые женщины, по статистике, и были основными потребителями подобной литературы.

А теперь попытаемся понять, что же происходило в голове женщины после того, как Маркус Крыми произнес слова прямого внушения: «Смотри, детектив!».

После этих слов женщина стала спокойнее. Она уже не пыталась в ужасе вскакивать с кресла, чтобы донести до экипажа «важную информацию», но напряжение внутри не уменьшилось и чтобы хоть как – то отвлечься, она решила покориться гипнотизеру. Ей казалось, что она продолжает управлять своим телом, своими мыслями и сама дает команды, но это была иллюзия. Женщина находилась в полном подчинении гипнотизера и выполняла все его команды. Помимо своей воли, она превратила ключевые фразы детектива в полноценный художественный фильм для одного зрителя. Причем актеров она решила подобрать сама. В главной роли ей хотелось увидеть здорового мужика, обстоятельного спортсмена-штангиста. Вот только придуманный ею образ никак не вписывался в канву киношного детектива. Да и сама история, предложенная к просмотру соседом по креслу, показалась ей такой же неправдоподобной, как и столкновение самолета с локатором, указывающим летчику путь к земле. Но она вынуждена была смотреть это кино, потому что тайная формула Вольфа Мессинга работала безотказно даже после его смерти.

Художественный фильм Елены Шереметьевой с ключевыми словами гипнотизера Маркуса Крыми

До конечной станции Марат добирался поездом в плацкартном вагоне, лежа на верхней полке. Это была уже четвертая поездка за последние два месяца в столицу Украины. Поезд из Крыма прибыл на тринадцатую платформу столичного вокзала. Марат с трудом вытащил на перрон из своего тринадцатого вагона тяжеленный красный чемодан огромных размеров. Тащить в руках это многопудовое чудо чемоданной промышленности было невозможно. Его владельца спасали колесики и длинная стальная ручка, при помощи которой можно было управлять «краснокожим монстром». Марат поставил чемодан на перрон, не спеша раскурил черную тонкую сигарету и мельком глянул на вокзальные часы. Они показывали 13 часов 13 минут.

– Какая-то магия чисел, – недовольно пробурчал журналист, – вагон тринадцатый, платформа – тринадцатая, и время прибытия 13 часов 13 минут. Еще бы место тринадцатое дали в кассе, тогда бы все и решилось, как надо.

Он достал из кармана изрядно помятый железнодорожный билет, развернул его и закричал громко и зло на стоящего у вагона усатого проводника в засаленной фуражке с тризубом.

– Ты зачем мне билет подменил, я – не Петренко, я – Барский. Мне билет в бухгалтерию сдавать.

– Какая разница, Петренко, Барский, – вяло отмахнулся от пассажира еще не опохмелившийся труженик железнодорожного сервиса. – Все там будем.

– Что значит – все! – продолжал надрываться журналист. – Я на двенадцатом месте ехал, на верхней полке, а тут чертова дюжина нарисована. Ты можешь отличить цифру тринадцать от двенадцати?

– Да какая тебе разница, в конце концов, если нас все равно ждет гиена огненная. Что ты меня тут цифрами путаешь. Не видишь, человек болен, тяжело болен. У меня голова, как чугунок с узбекским пловом: все трещит и трещит. Того и гляди – лопнет, и тогда тебе никакие билеты не помогут. Забирай чемодан и вали отсюда, пока жив, пассажирам дорогу перекрыл, – перешел на крик проводник.

– А я, может, встречающих жду, чемодан переть неподъемный, – стал защищаться Марат, – и ты меня своим концом света не испугаешь. Не таких видали на жизненном пути. Делать ни хрена не способен, а билеты путать мастак, чтоб потом народу проблемы создать с бухгалтершей.

Перебранка между проводником и пассажиром окружающих не интересовала. Груженные чемоданами и увесистыми пакетами граждане независимого государства спешили к станции метро и автобусам. Лишь только один человек внимательно наблюдал за гостем столицы. Носильщик Ваня, удостоверившись, что встречающие опоздали, подкатил к пассажиру свою тележку.

– За недорого могу подвезти, куда надо, – проговорил он, подобострастно улыбаясь. Ваня то же самое мог сказать и на суржике, но с пассажирами крымских поездов говорил по-русски. Державномовного носильщика они могли и послать, а у Вани был официальный план и желание заработать кое-что сверху.

– На мне бабок не срубишь, – окинув презрительным взглядом носильщика, буркнул Марат. – Без тебя справлюсь со своей ношей, а то еще упрешь чемодан, а потом ищи мошенника по всей стране.

– Я – официальный, – стал тыкать себя в грудь носильщик, – бляху для кого повесили. На этом вокзале левака не бывает. Тут все по-взрослому.

– Я сказал, сам справлюсь, свободен. – Повысил голос Марат. – Как вы меня тут все достали, а я еще и шагу по столичной земле не сделал.

Марат привел в рабочее состояние стальную ручку и направился к выходу, толкая чемодан впереди себя.

Носильщик Иван спорить не стал, обогнав Марата, он направился к концу перрона. По дороге носильщик на секунду остановился рядом с вертлявым, похожим на юлу, пацаном.

– Чемодан красный на колесах видишь? Лошара конченный, но бабки есть. Лопатник в левом кармане.

Пацан посмотрел на двигающегося в его сторону «денежного лоха», кивнул головой и, расталкивая пассажиров, побежал вниз по лестнице.

– Бабок пожалел, лошара, – пробормотал под нос носильщик – наводчик, пропуская Марата к выходу в город. – Так не будет у тебя денег теперь, ни копейки!

Минут через десять Марат оказался в середине людского водоворота у входа в метро. Сквозь узкие двери пассажиры только что прибывших поездов, пытались протиснуться внутрь, толкая чемоданами и огромными баулами друг друга. Труднее всего пришлось Марату. Его красный многопудовый чемодан на колесиках постоянно наезжал на чьи-то ноги, рвал колготки у приезжих дам и уродовал обувь гостей столицы. Пострадавшие от «краснокожего монстра» в ответ тут же больно пинали хозяина чемодана, обзывая его нехорошими словами. Но Марат на эти выпады никак не реагировал и невозмутимо, продолжал вдавливать чемодан внутрь станции, лишь только у эскалатора он взял свою ношу в руки, чтобы установить на движущую стальную ленту.

– Вы не могли бы и дальше нести свой чемодан в руках, как все нормальные люди, – неожиданно заговорила с Маратом высокая модельная блондинка в черной куртке, – вы мне уже все колготки порвали.

– Я не Жаботинский, – буркнул Марат, вспомнив почему-то мирового рекордсмена по поднятию тяжестей середины прошлого века, – это у него силы немерено, а я человек анемичный и нервный, за покушение на свою собственность – могу и убить.

Женщина, осмотрев с ног до головы потенциального убийцу, недовольно хмыкнула, и продолжать дальнейшую дискуссию не стала. Скорее всего, провинциального хама с чемоданом она сочла за выпущенного из психушки больного.

Добравшись до перрона, Марат все-таки взял чемодан в руки и, расталкивая пассажиров, вращаясь юлой, с большим трудом втиснулся в переполненный вагон. Рядом с ним оказался высокий парень с большим мясистым носом – плод студенческой любви иноземца и местной проститутки. Гены папаши в его организме явно превалировали. В руках он держал пустую холщевую сумку. Наконец, Марату удалось поставить чемодан на пол, и тут он заметил, что молния его куртки раскрыта, а из левого кармана исчез бумажник. Журналист стал осматриваться по сторонам и неожиданно навалился на соседа.

– Жертва аборта, верни лопатник, а то хуже будет, – прошептал на ухо метису Марат.

Карманник был готов к подобным выпадам. Он резко развернулся, сильно прижимая к груди сумку и, оказавшись лицом к лицу с таким же высоким и плечистым мужиком, незаметно передал ему бумажник. Сообщник карманника прижал бумажник к своему бедру сумкой, и, толкаясь, стал продвигаться к выходу. Марат хотел броситься в погоню, но в этот момент стоявший рядом мужчина, издав громкий вопль, стал биться в судорогах. Пассажиры отпрянули в сторону от припадочного, создав вокруг него небольшое свободное пространство, и стали давать бесполезные советы, а его сообщник завопил на весь вагон: «Врача! Позовите врача! Человек умирает!».

Призыв карманника поддержала толстая баба с крестьянской обветренной физиономией и прыщавая девица. Теперь врача к больному звали уже в три глотки. Крики прекратились после того, как поезд затормозил у очередной станции. Сообщник карманника первым выско-

чил из вагона, унося с собой бумажник Марата, но журналист на это никак не отреагировал. Бежать за воров с чемоданом в руках он бы не смог, а оставить на произвол судьбы бесценный багаж в кишасщем ворами городе было бы верхом беспечности. Тем временем круглолицая крестьянка и два мужика вынесли из вагона припадочного карманника. Они хотели отвести его к эскалатору, но мужчина неожиданно обмяк, потерял сознание и, раскинув в стороны руки, рухнул на перрон. Что было дальше с карманником, Марат не увидел. Машинист закрыл двери, и поезд направился к следующей станции.

Желтые розы с траурной лентой

На конечной станции журналист покинул опустевший вагон подземки. Поднявшись наверх по лестнице, он остановился у автобусной остановки и, сделав глубокий вдох, лениво потянулся, расправляя измученные красным чемоданом мышцы рук. Людей на остановке не было, лишь в двадцати метрах под зеленым пластмассовым козырьком каменного павильона стояла продавщица цветов с изрядно помятыми букетами желтых роз. Вслед за Барским наверх поднялся крепко сложенный мужчина, которого журналист окрестил «телефонистом». Всю дорогу от вокзала до конечной станции он, не переставая, болтал по мобильнику. Проехав очередную станцию, незнакомец прикладывал к уху телефон и что-то быстро говорил своему собеседнику, потом занимал место у двери и ждал следующей остановки. Марату еще в метро он показался подозрительным.

Поднявшись наверх, незнакомец продолжал болтать по телефону, объясняя собеседнику, у какого входа его надо искать. На пальцах правой руки у него были татуировки в виде перстней, а на левой щеке – красное родимое пятно.

– Меченый фраер, – отметил мысленно Марат, – и, скорее всего, судимый, Глазки бегают из стороны в сторону и башка на шарнирах.

Журналист потянулся к чемодану, чтобы придвинуть его поближе, но в этот момент, стоявший рядом мужик неожиданно бросился на него. Из рукава куртки он вытащил деревянные нунчаки и попытался ударить Марата по голове. В последнюю секунду журналисту удалось увернуться от грозного оружия каратистов. Отскочив в сторону, Марат попытался оказать сопротивление нападавшему и, сжав кулаки, стал в боксерскую стойку, но это его не спасло. Сильнейший удар нунчаками обрушился на его правую руку. Дальнейшее сопротивление было бесполезным, рука повисла, как плеть, и малейшее движение вызывало острую боль.

– Локтевой сустав повредил, сучара, – поставил себе диагноз Марат. – Теперь уж точно на грязи поеду.

Суставы у Марата всегда были слабым местом. В детстве он перенес ревматизм, и теперь малейшая травма вызывала мучительную боль. Чтобы не испытывать судьбу, Марат побежал в сторону продавщицы. Он надеялся, что нападавший не рискнет избивать гостя столицы на глазах свидетеля. Тем временем у чемодана появились два помятых типа в надвинутых на глаза фуражках. Схватив за ручку чемодан, они понесли его к остановившимся недалеко от автобусной остановки потемневшим от грязи белым «Жигулям» с нечитаемым номером. Через минуту к ним присоединился каратист, прекративший преследование своей жертвы. Марат остановился возле продавщицы и не знал, что ему делать дальше. Бежать вслед за грабителями было рискованно, звать на помощь граждан и милицию – бесполезно. Немногочисленные прохожие делали вид, что ничего не видят, а осторожная продавщица цветов демонстративно отвернулась от дороги, всем своим видом показывая, что в свидетели она не пойдет ни за какие коврижки.

– У меня чемодан сперли с вещами, – тихо произнес Марат, но продавщица никак не отреагировала на его слова.

– Неужели вы ничего не видели? – продолжил Марат, – они же на ваших глазах, среди бела дня...

– Гражданин, вы меня с кем – то спутали. Я не милиционер и здесь я торгую цветами, а свои проблемы вы решайте сами, зачастила женщина. – Мне нет никакого дела до вас и ваших вещей. Если понравились розы – берите и не морочьте голову.

– Самое время покупать желтые розы, – недовольно буркнул Марат, направляясь в сторону пешеходного перехода. На противоположной стороне улицы он увидел желтое такси с шашечками, но перейти на другую сторону дороги журналист не успел. С белыми «Жигу-

лями», в багажник которых грабители пытались запихнуть его чемодан, произошло нечто странное. Вначале автомобиль сильно тряхнуло, а потом на дорогу вывалился водитель, повернувший в замке ключ зажигания. От сильнейшего удара током свалились на землю и двое его сообщников. В следующую секунду машина задымила, а потом вспыхнула пионерским факелом. Огонь вначале вырвался из-под капота, потом перекинулся в салон. Через минуту – рванул бензобак. Мощный взрыв разбросал в разные стороны детали автомобиля, остатки красного чемодана и тела преступников. Марат вернулся к цветочнице, которая с ужасом смотрела на взорванный автомобиль, и протянул ей десять долларов.

– Самое время покупать желтые розы, – злорадно-торжественно проговорил журналист. – Букетик положите на покойника.

Потом, сделав долгую паузу, продолжил:

– Забудь про чемодан и его хозяина. Ты же не хотела идти в свидетели, когда об этом просил обворованный гражданин, а сейчас тебе сам Бог велит молчать. Запомни, свидетели убийства долго не живут!

– Да я знать никого не знаю, и видеть ничего не видела, – в страхе отшатнулась от Марата женщина, – мое дело цветы продавать.

– Вот и прекрасно, – усмехнулся Марат, – а теперь сделай букет из двенадцати желтых роз, перевяжи черной траурной лентой и отнеси к месту гибели уличных воров. Только быстрее шевелись, пока менты не приехали. Жертва – на твое усмотрение.

Женщина схватила цветы, быстро обвязала их лентой и бросилась к автомобилю. Подойдя к одному из лежащих на земле мужчин, продавщица положила ему на грудь траурный букет и без оглядки понеслась прочь от взорванного автомобиля. Тем временем Марат спустился в подземный переход и, пройдя сквозь торговые ряды, вышел на противоположной стороне улицы у остановки такси.

– В аэропорт, – повелительно бросил Марат дремавшему за рулем усатому таксисту. Седые роскошные казацкие усы заменяли водителю всю растительность на гладко выбритом поблескивающем в лучах уходящего солнца черепе.

– Куда надо? – вытаскивая из ушей стереонаушники, спросил водитель простуженным хриплым голосом.

– В аэропорт, тебе сколько раз повторять? – недовольно скривился Марат.

– В аэропорт с радостью, – расплылся в улыбке таксист, – я музыку слушал, поэтому не расслышал ваши слова.

Марат занял место на заднем сиденье, погладил травмированную руку и, прикрыв глаза, безмятежно задремал. Дорога в аэропорт должна была занять около часа.

Водитель включил «Русское радио», которое в Киеве почему-то вещало исключительно на украинском языке. Зазвучавшая из динамика песня Марата порадовала. «Ты ж мэнэ пидманула» для украинцев была не просто народным фольклором, а чем-то вроде национального гимна. Песню сменили новости.

– Только что, с пометкой молния, «Крымский аналитик» сообщил о гибели двух карманников в киевском метро. Свидетели утверждают, что смерть карманников наступила после того, как они похитили бумажник у гостя столицы. В пресс-службе УВД эту информацию комментировать отказались. Но это еще не все. По информации все того же сайта «Крымский аналитик» кроме двух карманников свою смерть на конечной станции метро нашли еще трое грабителей. По словам очевидцев, «Жигули» взорвались после того, как уличные грабители попытались засунуть в багажник, украденный у неизвестного гражданина, огромный красный чемодан на колесиках.

Вездесущий корреспондент «Крымского аналитика» высказал предположение о том, что эти два происшествия открыли месячник внесудебных расправ с карманниками и грабителями в Киеве. По информации «Крымского аналитика», операция, которую проводят неизвестные

граждане на территории Киева, носит название «Желтая роза». Не исключено, что жертвами народных мстителей в ближайшее время могут стать не только сами грабители и карманники, но и оборотни в погонах, которые «крышуют» в Киеве криминальные группировки.

За бортом самолета – минус шестьдесят

В этот момент в салоне самолета прозвучали слова командира экипажа: «Наш самолет летит на высоте 10 тысяч метров, скорость – 800 километров в час. За бортом температура воздуха минус 60 градусов. В аэропорту „Домодедова“ будем через два часа».

Женщина сделала глубокий вдох, пошевелила пальцами рук, и открыла глаза.

– Я только что видела удивительное кино. Скажите, вы знакомы с Маратом Барским? – пристально посмотрев на соседа, спросила женщина.

– Кто он такой? – ушел от ответа старик, протирая платочком очки с темными стеклами.

– Главный герой моего сна. Журналист-убийца. – Неожиданно женщина скривилась от боли и схватилась за живот.

– Вам плохо? – испугался Маркус. – Я могу чем-нибудь помочь?

Женщина схватила руку Маркуса и сильно прижала к животу. Старик ощутил под рукой непрерывное движение мышц, от которого Лена извивалась, как змея. Приступ длился минуты три, потом спазмы прекратились, и женщина прикрыла глаза, пытаясь расслабиться.

Не зная, что делать дальше с соседкой, Маркус задал дурацкий вопрос: «Вам плохо?».

Женщина отпустила его руку.

– Со мной впервые такое. Мне уже лучше.

Она прикрыла глаза, но долго молчать не смогла. Придвинувшись вплотную к соседу, она зашептала ему в самое ухо: «Вы не пугайтесь. Это скоро пройдет. Давайте поговорим о чем-нибудь».

Маркус не представлял, о чем с ней можно говорить, и выдал весьма странную фразу:

– Мне показалось, что вы были свидетелем взрыва у станции метро. В прошлой жизни вы торговали цветами на остановке и никуда не вмешивались, потому что боялись бандитов. И в то же время вы взяли у Марата десять долларов и положили на грудь еще живому бандиту 12 желтых роз.

– Откуда вы знаете про цветы? – неожиданно возмутилась женщина. – Этот фильм еще не снят, и у этой истории нет продолжения. Я видела только начало фильма. Никто не знает, чем закончится эта история.

– Почему же никто. Я знаю, чем закончится ваше кино. Зло будет наказано, воры и грабители убиты, а Марат вернется в Крым, Лена.

– Откуда вы знаете, как меня зовут, – я не называла свое имя, – вновь удивилась женщина, пристально рассматривая сидящего в соседнем кресле собеседника.

– Это не самое трудное задание в моей жизни. Для ученика Вольфа Мессинга – это первый, низший уровень предсказаний.

– Так вы гипнотизер? – оживилась женщина. – И как я об этом сразу не подумала. Вы внушили мне эту историю, и я увидела придуманный вами фильм. Оказывается, все это просто гипноз. А я боялась лететь в самолете. Мне было так страшно. Вы даже представить не можете, что творилось со мной несколько минут назад.

– Почему же не могу. Я видел ваш «сеанс повторного фильма». Думаю, нам пора познакомиться. Меня зовут Марк, но не Твен, – тихо произнес Маркус. Он старался не афишировать свою настоящую фамилию и имя.

– Вы тот самый журналист?

– Нет, вы не внимательны. Меня зовут Марк, а главного героя вашего сна звали Марат.

– Почему вы так странно представляетесь: Марк, но не Твен. Марк Твен – американский писатель. Какое отношение вы имеете к нему? Вы его родственник, наследник?

– Ни то, ни другое, ни третье, – рассмеялся старик. – Меня действительно зовут Марк, мало того, я не имею никакого отношения к Марку Твену. Единственное, что нас роднит, – это

профессия. Я придумываю разные истории, превращаю людей в литературных героев и подвожу читателей к мысли, что зло должно быть наказано.

– А журналист Марат? Он будет убит? Он погибнет?! – быстро заговорила женщина.

– Кто вам сказал такую глупость, – усмехнулся Маркус Крыми, поглаживая левой рукой подбородок. – Запомните, мадам, главные герои не умирают. Благодаря фильмам и книгам они будоражат умы людей разных поколений. Книга – это послание из века прошлого в мир будущего.

– Детективы долго не живут, – покачала головой женщина. – Это одноразовая литература. Криминальное чтение интересно, пока ты пытаешься распутать детективный сюжет, но стоит узнать, кто настоящий убийца, как книга тут же летит в корзину для бумаг. Я за свою жизнь прочитала сотни детективов, и ни одного из них вы не найдете на моей книжной полке. Вы спросите, почему? Потому что я никогда не буду их перечитывать!

– И, тем не менее, вас интересует судьба Марата, – улыбнулся старик.

– Тут другое. Вы, помимо моей воли, втянули меня в криминальную историю. Заставили положить розы на грудь живому покойнику, – она запнулась на последней фразе. – Я, кажется, сказала что-то не так. Когда я положила розы на грудь пострадавшему от взрыва грузину, он был еще жив.

– Это ничего не меняет, – тут же пришел на помощь старик, – я списал его, как отработанный материал. Он не представлял никакого интереса оставшимся в живых. Вор, грабитель, преступник. О таких вспоминают только матери и дети, поднимая рюмку с водкой в день смерти.

– Можно подумать, что ваш Марат лучше. Почему вы оставили в живых убийцу, а убили простого вора.

– Потому, что я Марк, но не Твен, – ушел от ответа на прямой вопрос старик.

– А может, образ Марата списан с автора? Начинающие писатели свои повести и романы наводят реальными героями из своей жизни. Или я не права?! – хитро прищурилась Лена.

– Меня смутило слово «начинающий», – искренне рассмеялся старик. – Неужели я так молодо выгляжу?

– Я не хотела вас обидеть, но в этой истории не было тайны, которая обычный сюжет превращает в захватывающий детектив, – жестко произнесла женщина. – Такие книги пишут начинающие авторы или...

– Или выжившие из ума старики, – усмехнулся Маркус. – Тем не менее, в ваших словах есть доля правды. Все очевидно. Вначале Марат убил двух карманников отравленной иглой, которая находилась в бумажнике с «денежной куклой». Помните, в сказке: «Смерть Кощея на кончике иглы». А потом Марат взорвал машину с грабителями, используя дистанционный взрыватель. Мина-ловушка срабатывала в том случае, если вор отдалялся на двадцать метров от хозяина с его чемоданом. Причем все было по-честному. Вор получил предупреждение от чемодана: «Пиастры! Воры украли пиастры». Потом следовал предупредительный удар током, и только после этого – желтые розы на грудь. Такова схема. Но это только присказка. Нам еще предстоит пережить с вами финал этой жуткой истории. Самое страшное преступление, о котором я когда-либо писал, будет совершено на борту этого самолета.

– Вы хотите предложить читателям ТАЙНУ ЗАКРЫТОЙ КОМНАТЫ? – зачастила женщина. Чувствовалось, что детективы ее хобби. – Борт самолета – идеальное место для подобных историй. В восьмом ряду погибает человек. Под подозрением все пассажиры, в том числе и случайно оказавшийся в самолете сыщик. За время полета он должен будет вывернуть наизнанку всех пассажиров и при посадке предъявить полиции настоящего убийцу.

– Детектив в духе Агаты Кристи, – рассмеялся старик. Но я не пойду по вашему следу. Это ваша история. У меня все будет иначе. Но мы с вами отвлеклись от главного. Я хочу понять причину вашей болезни. Откуда этот страх? Вы лечились у психиатра?

– Нет. У меня с нервами все в порядке.

– Значит, вы не обращались к врачам. Тогда объясните, почему вы умирали от страха?

Вы принимали лекарства, наркотики?

– С чего вы взяли?!

– Во время взлета вы потеряли сознание, ни на что не реагировали. Такое состояние вызывают сильнодействующие лекарства или наркотики. Вам перед полетом давали лекарства?

– Никто ничего мне не давал.

– Но вы же приняли какое-то лекарство во время взлета.

– Это был аэрон. Таблетки от укачивания.

– «Аэрон» не по этой части. Что-нибудь необычное происходило с вами накануне вылета?

Не спешите с ответом. Я веду речь о гипнозе, моментальном кодировании со сменой ценностей при помощи психотерапии действием.

Старик внимательно смотрел на женщину. Его интересовали не слова, которые она говорит, а мимика, движения глаз и руки. Работая в психбольнице, он научился ставить диагноз по походке, по тому, как больной входит в кабинет, как садится на стул, какие слова произносит первыми. Маркус попытался использовать этот уникальный опыт, но соседка по креслу не вписывалась в привычные рамки.

– Не было гипноза, не было кодирования, – прервала размышления Маркуса Крыми женщина. – Мне просто стало страшно. Я видела падение самолета. Он должен был разбиться при взлете. А потом появился этот Марат с красным чемоданом и желтыми розами...

– Но этот страх не мог появиться сам по себе.

– Я не хочу говорить на эту тему, – неожиданно повысила голос женщина.

Уходящая натура

– Хорошо давайте поговорим о вашем муже? Похоже, что эта «уходящая натура» вас полностью разочаровала?

Старик взял за руку Лену, посмотрев ей в глаза.

– Точное определение: «уходящая натура». Могу только сказать, что мой муж бизнесмен средней руки. Никогда не хватал с неба звезд, но и не бедствовал.

– И это все? А как же «пивной бочонок»? – удивился старик. Он ждал длинной исповеди с кучей жалоб на невнимание и непонимание. Невроз навязчивых состояний не мог развиваться на пустом месте. Этот страх перед полетом имеет свою глубинную причину. И этой причиной могут быть проблемы в семейных отношениях. – Расскажите, что вас не устраивает в семейной жизни.

– Я не буду обсуждать с вами мою семейную жизнь.

– Тогда расскажите о своем бизнесе. Как вы оказались в Крыму?

– Три года назад я отдыхала с мужем в «Украинской мечте», познакомилась с главврачом. Он мне показался милейшим человеком, – мгновенно сменив тон, продолжила женщина. – Муж мой в это время искал в Крыму торговую точку, чтоб поработать летом. Я спросила у главврача, не сможет ли он отдать нам в аренду полуразрушенный летний кинозал под кафе или ресторан. Главврач пару дней думал, а потом сказал, что согласен. Мы провели там ремонт, вложили приличные средства и стали работать. Вначале все было хорошо: аренда небольшая, санэпидстанция и пожарники брали с нас по-божески, местный мэр всего два раза за сезон привел к нам своих гостей – халявщиков. Так что к концу сезона мы вернули потраченные деньги и кое-что заработали.

– «Украинская мечта» – это военный санаторий?

– «Украинская мечта» числился за Министерством обороны, но в погонах я там никого не видела. Обычная крымская здравница.

– На следующий год вы расширили производство, возвели величественное здание приморского ресторана и стали грести доллары лопатой, – продолжил старик.

– Мы действительно хорошо заработали на общепите в Крыму, но строить больше ничего не стали. Дело в том, что главврач санатория каждый год перезаключал с нами договор аренды. И эта самая аренда росла, как на дрожжах.

– Что-то не припомню, чтобы в Крыму росла аренда, – засомневался старик.

Он продолжал поиск причины страха, и рассказ о проблемах в бизнесе натолкнул его на весьма популярную версию.

– Санаторию мы платим стабильную сумму. Речь идет, скажем так, о дополнительном финансировании отдельных граждан, – осторожно подбирая слова, пояснила Лена.

– По-русски это звучит как дача взятки должностному лицу, – поддел женщину старик.

– Да мы и не отказывались платить. Давали, сколько просил. Но этой весной он заявил, что работаем последний год из-за того, что на эти рестораны положил глаз нардеп от БЮТа, – помрачнела женщина.

– Сильный перец, народный депутат от БЮТа. Они ж уже в оппозиции, а сама Тимошенко мотает срок.

– И я так думала, а потом мне объяснили, что у этих «оранжевых» остались в руках милиция и спецслужбы, которые при желании могут любого растереть в пыль. А тут еще выборы в этом году. Так что у соратников Тимошенко есть шанс вернуться во власть. Они этим и пугают местных начальников.

– Скажите, а вы в санатории к врачам не обращались? – решил сменить тему разговора Маркус.

– Почему я должна обращаться к врачам?

– Потому что у вас остеохондроз шейного отдела позвоночника в стадии обострения, – сухо пояснил Маркус.

– И все-то вы знаете. И везде-то вы побывали, – удивленно посмотрела на старика Лена, – вы меня просто насквозь видите. В санатории мне делали массаж спины.

– А что из препаратов вам назначали?

– Ничего. Только массаж.

– Скажите, а в вашем санатории лечатся только офицеры и их жены?

– В этом санатории может лечиться любой, у кого есть деньги. Жены офицеров – не самые большие шишки. В июле там собирается весь киевский бомонд: дети министров, крупных бизнесменов, генералов с мамашами, бабушками и тещами.

– Хороший санаторий. Такой терять нельзя ни в коем случае, – подвел итог разговору старик. Он отбросил в сторону массаж и остеохондроз. Ни то, ни другое не могло вызвать «страх смерти». Вот если бы ей назначали уколы или специальные таблетки, вызывающие беспокойство и страх...

– Если вы и вправду гипнотизер и умеете читать чужие мысли, скажите, о чем я думаю сейчас? – решила сменить тему Лена.

– О моих рассказах, – не задумываясь, произнес старик.

– Мы будем гореть в аду, – неожиданно весьма отчетливо произнесла Лена. – Нас убьет взорванный аэропорт!

Эти слова ударили словно током сидевшего рядом с Леной писателя. На старика вновь обрушилась волна страха. Маркус вернулся к реальной действительности. Он, наконец, осознал, что все его эксперименты, гипноз и внушение не могли ничего изменить, потому что он так и не понял, что на самом деле происходит с его попутчицей. Он даже не мог сказать, кто перед ним: закодированная террористами шахидка или психически больная женщина. Самолет можно было бы спасти одним уколом, но у него не было ни шприца, ни инсулина, ни амиनाзина. Он был бессилен что-либо изменить. Единственным его оружием был гипноз и прямое внушение. Но Маркус Крыми не был Кашпировским, который весьма успешно проводил в телеэфире операции без наркоза. Возможно, что в этой ситуации смог бы спасти людей его учитель Вольф Мессинг. Но Мессинга уже не было в этом мире.

Оставалось только одно, обратиться к членам экипажа. Но что он им скажет?

«Господа. Сидящая рядом со мной женщина представляет угрозу, она видит горящий на земле самолет и выбрасывает в атмосферу электромагнитные волны страха».

Натуральный бред сумасшедшего. С такими идеями идут к психиатру, а не к командиру корабля. Да у них в каждом полете найдется бесноватый, умирающий от страха смерти.

Неожиданно самолет провалился в воздушную яму. Маркусу показалось, что он уже не сможет подняться и на этом придется поставить последнюю точку. Воздушная яма напугала Лену. Она с ужасом смотрела на старика. Самолет вибрировал, завывая двигателем, как при взлете.

– Мы идем на посадку? – сдавленным шепотом спросила Лена.

– Нет. Это воздушная яма, – покачал головой старик. Волна страха вновь обрушилась на него, сжала сердце, сосуды. Ему стало трудно дышать.

– Мы погибнем! Я – знаю! Мы – обречены! – Женщина смотрела на старика невидящим взглядом. И неожиданно продолжила лишенным эмоций ровным голосом: Говорят, что в последнюю секунду перед глазами человека проходит вся его жизнь. Что было главным в вашей жизни, самым ярким впечатлением?

– Встреча с людоедом, – с трудом вдохнув воздух, не задумываясь, ответил старик. Он подчинился женщине, она втянула его в свой бред. Он теперь верил в неминуемую катастрофу.

– Это правда?!

– Да. Из-за людоеда от меня ушла любимая женщина.

Самолет выбрался из воздушной ямы и стал набирать высоту.

– Расскажите об этой встрече. Прямо сейчас, – настойчиво потребовала Лена. Это не было просьбой. Она приказывала. И он был готов подчиниться. Теперь женщина управляла его мыслями и диктовала свою волю гипнотизеру, потому что он вновь оказался во власти страха.

– Эта история вам не понравится, – попытался уйти от страшной темы Маркус.

– Рассказывайте! У нас мало времени! Я хочу знать, о чем с вами говорил дьявол!

– Он ничего не говорил. Я его вырубил с первого удара. А Алиса пошла на кухню и приоткрыла крышку кастрюли...

– И что было в той кастрюле?

– Я не хочу вспоминать о той ночи, – прошептал старик. – Лена, а теперь ваша история. Самое яркое впечатление в жизни.

– На Кавказе дьявола называют шайтан, и он предстал передо мной в облике жителя гор, – только и успела произнести женщина. После этих слов она громко вскрикнула и схватилась за живот. Лицо и руки ее стали белыми и холодными, как снег. Ей уже было не до рассказов. Маркус не знал, что делать с женщиной. Боли были настолько сильными, что Лена временами теряла сознание, закрывая глаза, превращаясь в гипсовое изваяние. Маркус попытался усыпить женщину. Это оказалось намного сложнее, чем раньше. Но она подыграла ему, подчинившись гипнотизеру. Сон был неглубоким. Любое неосторожное слово могло разбудить ее. Маркус не представлял, какое внушение сможет снять эти дикие боли. Ситуация была хуже, чем у Кашпировского, который смог в прямом телеэфире заменить наркоз гипнотическим внушением. Его пациентка до операции находилась в нормальном состоянии, и он мог легко довести ее до сомнамбулизма. Здесь же была первая стадия гипноза.

«Приступ у нее начался, когда она попыталась назвать имя шайтана, человека, в которого вселился дьявол, – Пронеслось в голове Маркуса. – Надо спросить, как его звали».

– Вы слышите только мой голос. Вас ничто не волнует, не беспокоит. Назовите его имя. Имя человека, которого вы называли шайтаном. Имя! Имя! Кто он!?

– Ахмет, массажист. Он мне сам говорил об этом. Я должна подчиняться ему. Доверять, верить, раствориться в нем! – чуть слышно прошептала Лена.

«Это прямое внушение или кодирование, – пронеслось в голове старика. – Доверять, верить, подчиняться, раствориться во мне. Такое на первом сеансе гипноза не отобьешь. Надо что-то придумать, пока я еще могу воздействовать на ее мозг».

И тут Маркусу пришла в голову крамольная мысль: «А не поиграть ли с ней в любовь? Она же женщина. Нужно дать «установку на любовь». Прямое внушение: «Лена, наконец-то вы увидели его. Вы всю свою жизнь мечтали о таком мужчине».

Вот что он должен был внушить умирающей от страха женщине, а не впаривать ей рассказы о киевских убийствах. Во время гипноза достаточно было поменять формулу внушения, чтобы она стала выделять «феромоны любви», как это делают толпы поклонниц на концертах Стаса Михайлова, а не феромоны страха, и проблема была бы решена».

Одно время Маркус изучал феномен массовых женских психозов, которые происходили на концертах любимых певцов женщин. Мощный гормональный удар происходил у женщин от воздействия определенных звуковых частот. Слова «обволакивающий голос» были не просто словами. Голос певца воздействовал на психику дам так же, как и слова гипнотизера в темной комнате. Только гипнотизеру в «охмурении» дамы помогала интимная обстановка и доверительный разговор, которые в конечном счете воздействовали на гормональную систему пациентки. Во всяком случае, так считали ученые-психиатры, изучавшие этот феномен. В то же время они не пытались сравнить состояние гипноза с состоянием женщины, находившейся на концерте того же Стаса Михайлова. На психику женщин певец воздействовал

тоже словами и особым тембром голоса. Разгадка могла скрываться не в словах, а в тембре и ритме.

– Нужно отменить прежнее внушение. Первая команда: «Забудь все! Забудь все, что с тобой происходило во сне!». Вторая – «установка на любовь». Стас Михайлов – герой твоего романа.

Приняв решение, Маркус Крыми немного успокоился. У него появился реальный план, благодаря чему, чувство страха, которое изматывало писателя, стало уходить на второй план.

– Итак, убираем телепатию и ненаучную фантастику. Она в это все равно не верит. Только прямое внушение. Четкие и ясные установки «на любовь».

Вести диалог с Леной за Стаса Михайлова, о котором он мало что знал, старик не рискнул.

– Следующей его командой была: «Стас Михайлов поет вам свою любимую песню. Закрывать глаза».

Маркус не знал не только любимой песни Стаса Михайлова, но и вообще ни одной песни из его репертуара. Но женщина прекрасно справилась с поставленной задачей. Закрыв глаза, она, забыв обо всем, наслаждалась голосом любимого певца, а потом, не открывая глаз, дотронулась до руки гипнотизера и положила его ладонь себе на грудь.

«Вот тебе и „золотой ключик“ к любой бабе, – подумал Маркус. – Преврати себя под гипнозом в Стаса Михайлова, и дама твоя».

Маркус хотел продолжить этот эксперимент, но тут в салоне появилась стюардесса и все испортила. Маркусу пришлось в срочном порядке выводить женщину из состояния гипноза.

Лена широко открыла глаза и с удивлением посмотрела на стоящую в проходе стюардессу.

– Чего она хочет? – спросила Лена, бесцеремонно разглядывая длинноногую модель с высокой чувственной грудью. Соседство с такими женщинами у Лены вызывало комплекс неполноценности. Она страшно завидовала длинноногим красавицам и всегда придиралась к ним, когда фотомодели оказывались среди обслуживающего персонала. Но цепляться к стюардессе во время полета она не захотела, потому что находилась под впечатлением от общения со Стасом Михайловым. Команда гипнотизера: «Вы не помните о том, что происходило с вами во время сеанса гипноза» – срабатывала не всегда. С человеческой памятью происходило примерно то же, что и с удаленным с компьютера файлом. Опытные программисты могли не только найти на жестком диске следы удаленного файла, но и восстановить его. Человеческий мозг поступал точно так же. Удаленную из памяти информацию о том, что происходило с больным во время сеанса гипноза, он возвращал испытуемому причудливыми сновидениями, галлюцинацией, а то и системным бредом.

Занимательная психиатрия

Маркус решил увести женщину от вопроса о том, не видел ли он в самолете Стаса Михайлова.

– Я недавно прочитал занимательную историю про женщину, которая занималась психоанализом с Фрейдом, – попытался заинтересовать Лену новой темой из жизни знаменитостей. – Так вот, эта дама прожила несколько лет девственницей со своим законным супругом, а потом отдалась какому-то психу, чтобы рассказать мужу в подробностях о том, как этот псих ее лишил девственности.

– И зачем вы мне это все рассказали? – возмутилась Лена. – Я не давала повода.

– Я не хотел вас обидеть, – стал извиняться Маркус. – А про женщину-девственницу я рассказал потому, что человеческий мозг – черный квадрат неизвестности. И мы никогда не узнаем, кто и зачем взрывает самолеты! Вы меня слышите, взрыв самолета неизбежен, но почему он произойдет – никто, никогда не узнает! Кстати, ту женщину в сорок втором расстреляли фашисты на оккупированной территории в России, а Фрейда у фашистов за большие деньги выкупила его пациентка и вывезла за границу. Чем не сюжет для детектива?

– Это скорее драма, а не детектив, – возразила Лена.

– И я о том же. Супруга-девственница – страдала шизофренией. Она в совершенстве овладела психоанализом, писала научные труды, и издала книгу по эротике, которая пользовалась огромной популярностью в Германии в начале прошлого века. А теперь вопрос, кому нужен психоанализ женщины, страдающей шизофренией, если у народа повышенным спросом пользуются ее эротические фантазии?

– Я никогда не думала об этом, – неожиданно покраснела Лена. Она испугалась, что Маркус сейчас узнает о том, что с ней происходит на самом деле.

– Все думают об этом, – обреченно махнул рукой Маркус. – Даже основатель психоанализа Зигмунд Фрейд. Но не в этом суть. Я не могу понять две вещи: «черный квадрат» Малевича и того, кто взрывает самолеты «живыми бомбами».

Лена украдкой посмотрела на старика, который в ее глазах неожиданно приобрел облик большого ученого, внешне похожего на Фрейда. Женщина вдруг осознала, что этот старик не такой уж и страшный.

Старик не знал, о чем думает в эту минуту Лена, и продолжил развивать, как ему казалось, весьма выигрышную тему о «Черном квадрате» Малевича и Зигмунде Фрейде. В отличие от Маркуса, который профессионально в молодости изучал психиатрию и психоанализ, Лена не читала трудов Фрейда, не видела картин Малевича и не могла комментировать поведение ученой-шизофренички, оставшейся девственницей после десяти лет супружеской жизни.

«Я бы и недели не выдержала, – представила на секунду странную семью Лена. – Нормальный мужик взял бы и изнасиловал свою супругу. И ему бы за это ничего не было. А может, она ждала, когда он на нее кинется и возьмет силой?».

Потом ей показалось, что Маркус смотрит на ее грудь и хочет ей что-то предложить. Лена выпрямила спину, втянула живот и призывно посмотрела в сторону писателя. С любым другим это бы сработало, но Маркус не реагировал на ее женские хитрости.

– У вас взгляд Кашпировского, – удивленно произнесла Лена. – Вы смотрите на меня, как Анатолий Кашпировский на своих пациентов.

– А вы лечились у Кашпировского? – быстро спросил Маркус, он пытался уточнить диагноз оказавшейся рядом с ним женщины. То, что она страдает психическим расстройством, он уже не сомневался. Старик пытался найти ответ на вопрос, можно ли повлиять на женщину при помощи гипноза и внушения наяву. Если это невроз навязчивых состояний, то еще можно будет что-то сделать, а если шизофрения, то гипноз и прочие попытки исправить ее поведе-

ние обречены на неудачу. Был еще и третий диагноз: «кодирование на смерть» при помощи ядовитых веществ и наркотиков. В этом случае все его попытки успокоить пациентку и снять «страх смерти» обречены на провал так же, как и при шизофрении.

– Я не знакома с Кашпировским. Видела его только по телевизору, но вас интересует не Кашпировский. Вы хотите выяснить, не обращалась ли я за помощью к психиатрам. Отвечаю. Не обращалась. Вопросы еще есть? – неожиданно зло произнесла Лена. Ее обидело, что этот старик не замечает ее женской красоты и обаяния.

Быстрая смена настроения и неадекватная реакция на простые вопросы насторожили Маркуса. Это могло быть одним из симптомов психического расстройства. И он решил идти ва-банк.

– Лена, мне хочется поговорить с вами о любви и мужчинах. Судя по вашему рассказу, муж вас не устраивает как сексуальный партнер. Так бывает довольно часто. А мне бы хотелось услышать ваше мнение о тех мужчинах, которые удовлетворяют многих женщин, приезжающих на отдых в Крым, – начал издалека подводить к нужной ему теме Маркус.

– Вы задаете нескромный вопрос, – недовольно произнесла женщина. – Мне неприятно говорить с незнакомым мужчиной на эту тему.

– В молодости я довольно долго тусовался с пляжными мальчиками и женщинами, приезжавшими в Крым на отдых, и даже написал книгу о курортных романах, – решил развить тему старик. – Вообще-то, странная штука жизнь. То, что запрещено и осуждается – может стать смыслом жизни, единственной радостью, главным в жизни. А то, что освящено печатью ЗАГСа, быстро приедается, становится пресным и неинтересным. Я вам рассказывал о шизофреничке, которая десять лет провела в супружеской постели со своим мужем, оставаясь девственницей, а потом она «пошла по рукам» с такой ненасытностью, что у мужчин просто слетала крыша от этого вулкана страстей. И это исторический факт, а не домыслы журналистов. А есть женщины, которые даже не пытаются хоть что-то изменить в своей сексуальной жизни. Они доживают до глубокой старости, а вспомнить о прожитой жизни нечего: отчеты в налоговую, объяснительные записки, телесериалы по вечерам, и все. Вы не боитесь повторить судьбу такой женщины?

– Чего вы добиваетесь? Вы хотите, чтобы я начала обсуждать с вами свои любовные приключения. Этого не будет, – зло бросила женщина, и неожиданно схватив его руку, продолжила, как показалось Маркусу, «задыхаясь от смелости»: – А может, вы хотите, чтобы я отдалась вам прямо здесь, в кресле, на высоте десять тысяч метров и потом вспоминала об этом приключении всю оставшуюся жизнь? Давайте попробуем. Я могу это сделать прямо на глазах стюардесс, а вы?

– Мне нравится ход ваших мыслей, – широко улыбнулся Маркус. – Неожиданно он сжал ее руку и прижал к своей груди. – Я думаю, что у нас с вами еще будет время для того, чтобы исполнить все свои тайные желания в более комфортных условиях.

Маркус гладил ее руку и смотрел в глаза женщины. Ей это нравилось. Во всяком случае, она расслабилась и стала менее агрессивной.

«Она не похожа на шизофреничку, – сделал неожиданный вывод Маркус. – Ориентируется в себе, во времени, не выкладывает наружу то, о чем неприято говорить с незнакомыми людьми, у нее нет галлюцинаций ни слуховых, ни зрительных, ни тактильных. Она активно защищает «свои ценности». Мало того, ее состояние не вписывается и в невроз. Если б она страдала неврозом навязчивых состояний, то завалила бы меня жалобами на здоровье и окружающих ее людей. Тогда возникает вопрос, что вызывает у нее приступы страха? Остается одно: наркотики. Маркус нежно провел кончиками пальцев по руке женщины. Она не отдернула руку, не испугалась, что он обнаружит следы от уколов. Да их там и не было.

Женщина внимательно следила за действиями своего соседа. Наконец, она не выдержала и спросила: «Что вы делаете? Вы хотите затащить меня в свою постель? Этого не будет! У меня есть муж, который меня устраивает во всех отношениях. Вы не забывайте, кто вы и кто он».

В это время стюардессы принесли упаковки с едой. Лена развернула пакет, достала булочку и с жадностью набросилась на еду.

– Вот и прекрасно, – пробормотал старик, откинувшись на спинку кресла. – Одну проблему решили. Есть время передохнуть. Как бы сейчас я хотел лежать дома на диване и смотреть телевизор, ни о чем не думая! Только идиоты летают в самолетах тринадцатого, в пятницу, с посадкой во взорванном аэропорту.

Трагедия для одного зрителя

Маркус закрыл глаза и в мыслях неожиданно оказался в партере театра на Таганке. Он бывал на Таганке раз десять. Это был его любимый театр в Москве.

«Интересно, а как бы они сыграли эту сцену. События разворачиваются на борту самолета за полчаса до взрыва. На сцене двое. Старик, который пытается спасти свою жизнь, и террористка-смертница. Любимов наверняка разыграл бы любовную сцену. И был бы прав. Ну, что еще станет делать вышедший на пенсию «пляжный мальчик»? Соблазнять женщину разговорами о сумасшедшей любви к женщине.

А что будет думать она?

Любить эту старую развалину невозможно. То, что он говорит, – это бред. Он родился стариком. Древним, нудным, навязчивым. А у нее еще все впереди, даже если этот самолет сгорит на земле вместе с ее соседом.

Чем закончится пьеса? Неважно. Пусть говорят, вспоминают, флиртуют, обманывают друг друга. Последние тридцать минут жизни. Старик писатель знает о том, что самолет погибнет, а женщина, женщина – живет надеждой на будущее. Она думает, что останется живой после катастрофы и еще встретит того, кто перевернет все в ее жизни, сделает ее счастливой, любимой, красивой и желанной».

Маркус Крыми увлекся идеей. Ему надоело бороться за жизнь самолета. Что-то решать, кого-то спасать. Он выдохся. В этой борьбе он проиграл тем, кто придумал «психологическую бомбу». Маркус уже забыл о презентации «Тринадцатой книги» в магазине «Арбат» и о тех проходимцах, которые купили ему билет до взорванного аэропорта на пятницу тринадцатого. Все! Решено! К черту всех! На сцене Маркус Крыми и Лена. Но он не станет ее охмурять словами. Какая любовь может быть у старика и молодой женщины.

Он поворачивает голову к иллюминатору. За толстым непробиваемым стеклом иллюминаторов плывут свинцовые облака.

– Это последнее, что мы увидим в этой жизни. – Новая волна страха накатывает на старика. У него сжимает сердце, как при инфаркте. Его преследует мистический рекламный слоган: «Взорванный аэропорт – взорвет самолет!». Неожиданно он вспомнил, как умирал Вольф Мессинг. В конце жизни Вольф Григорьевич стал беспомощным человеком, измученным болезнями, потерявшим свою магическую силу. Гипноз, внушение, телепатия – все это с годами куда-то уходит. И тот, кто всю жизнь творил чудеса, превращается в больного никому не нужного старика.

Боль за грудиной нарастает. Старик дышит широко открытым ртом. Он задыхается и отключается от окружающего мира. У него кружится голова, он перестал реагировать на слова своей соседки. Лена что-то ему говорила, но он не слышал ее. Маркус видит страшный финал своей жизни. Во время посадки самолет цепляет кроны деревьев, разваливается в воздухе на куски и падает в болото.

Лена хватается за руку старика и кричит в самое ухо: «Вам плохо? Вы меня слышите?».

– Я вас слышу, – наконец обретает дар речи старик. – Мы будем говорить с вами о любви, детективах и героях моих книг.

– Эти разговоры нас не спасут. Мы все равно погибнем, – придвинувшись к самому уху старика, зашептала женщина. – Спасения нет! Это случится во время посадки. Взорванный аэропорт – взорвет самолет!

– Этого не будет, – попытался успокоить женщину старик. Но он был неубедителен, потому что уже сам поверил в неминуемую трагедию. – У нас еще есть время. Можно предупредить экипаж.

– Нам никто не поверит, да они и сделать ничего не смогут. Потому что это судьба, – откинулась на спинку кресла женщина.

– Вы меня убедили, – взял себя в руки старик. – Если мы не можем повлиять на предстоящие события, тогда есть смысл поговорить о прошлом. Может, в этом прошлом и спрятан ключ к спасению? – Маркус уже не думал о диалоге с женщиной. Театр исчез из его подсознания, как и не сыгранная им последняя роль в спектакле по имени жизнь. Роль ученика Мессинга, спасающего людей от неминуемой смерти.

– Расскажите о своих книгах. Откуда вы берете сюжеты? Как можно стать героем ваших книг?

«Ей не нужен ответ. Спросила, чтобы спросить. Так спрашивают на улице у знакомого: „Как здоровье?“, надеясь услышать короткое: „Не дождетесь!“», чтобы продолжить путь с чувством исполненного долга», – подумал Маркус, но вслух ответил.

– Все, кто когда-либо встречался со мной, – рано или поздно попадали в переплет, – продолжал старик. – Дело в том, что в моих романах много разных людей. Я даже не знаю, откуда они берутся и зачем они нужны читателю. Проблема в том, что я не учился этому ремеслу. Мои детективы рождались из хаоса, из какой-то запутанной истории, которую я пытался распутать сам. Иногда – это удавалось, и тогда появлялась книга и читательские отклики, но чаще мне не удавалось раскрыть преступление, потому что главные герои действовали нелогично. Они представлялись мне сумасшедшими артистами, разыгрывающими перед единственным зрителем бездарные спектакли. Эти истории так и остались незавершенными главами новых книг. Однажды я даже попытался собрать вместе эти нереализованные сюжеты под одной обложкой, но детектив не получился, потому, что в главные герои пробились неадекватные люди с большими черными тараканами в голове.

– Сумасшедший не может быть героем детектива, – решила прервать поток сознания своего соседа Лена. Ее поразило фраза старика: «неадекватные люди с большими черными тараканами в голове».

– Я знаю, о чем вы сейчас подумали, – одними губами усмехнулся старик. – Вас смутило, что я добавил к газетному штампу два слова «большие и черные». Всего два слова, которые не меняют смысл, не усиливают и не уточняют привычный образ. Но эти два слова в виде нового образа проходят в ваш мозг, минуя все стандарты и правила. Признайтесь, от этих слов вам стало как-то неудобно, потому что вы живете по придуманным людьми правилам. И из-за этих стандартов вы не можете представить себе сумасшедшего героя детектива. А вам не приходила в голову мысль о том, что самые страшные преступления чаще всего совершают именно сумасшедшие?

– Вы пытаетесь меня запутать. Одно дело реальное убийство, совершенное душевнобольным, и совсем другое – «детективное чтение». У детектива существуют законы жанра. На первой странице труп и главный подозреваемый. А дальше автор бросает ложный след, обвиняет в убийстве невиновного, сделав ложную версию весьма правдоподобной, и когда в эту версию поверят все, называет истинного убийцу. И никаких сумасшедших. Вы просто не имеете права делать героем детектива сумасшедшего с его извращенной логикой, – неожиданно втянулась в дискуссию Лена. – Я очень люблю детективы. Если интересная книга, то я буду ее читать всю ночь. И не дай бог, если в книге на последних страницах пропадет логика, или появится спрятанная от читателей автором ГЛАВНАЯ УЛИКА. Я не возьму больше в руки ни одной книги этого писателя. И еще, насколько я знаю, логика сумасшедшего – это отсутствие всякой логики.

– Возможно, вы и правы, но не во всем. Скажите честно, вы можете поверить в то, что серийный убица людоед – нормальный человек?

– Нет.

– А врачи взяли и признали его нормальным для того, чтобы избавить эту землю от страшного монстра. Они не хотели держать людоеда всю оставшуюся жизнь в психиатриче-

ской больнице. И теперь, из-за этой бумажки-экспертизы, мы должны относиться к людоеду, как к нормальному человеку, – продолжил раскручивать людоедскую тему Маркус Крыми. – Мало того, теперь этот преступник, с его людоедской логикой может стать героем детектива из-за того, что врачи-психиатры приговорили его к расстрелу. Я думаю, для вас очевидно, что к расстрелу людоеда приговорил не суд, а врачи психиатры. Всего одно слово на казенной бумаге ВМЕНЯЕМ, и сумасшедший людоед попадает в камеру смертников.

– И правильно сделали врачи, зачем таким людям даровать свободу, – поддержала решение экспертов Лена. – Я бы на их месте поступила точно так же.

– Вы бы отправили душевнобольного человека на расстрел? – удивился Маркус. – А как же право на справедливый суд и для кого писаны законы в этой стране? Не может молодая симпатичная женщина быть такой кровожадной.

– Может. Еще как может! Маркус, вы не знаете женщин, но вы их увидите, особых женщин, – с угрозой проговорила Лена.

– Вы говорите о шахидах? – напрягся Маркус. И тут до него стал доходить особый смысл сказанных слов. На борту самолета, похоже, она не одна такая.

– Мне понравился ваш фильм про журналиста Марата, – ушла от вопроса Лена. – У меня сложилось впечатление, что это была реальная история. Я бы хотела с ним встретиться не во сне, а в реальной жизни.

– Если мы останемся живы, то вы с ним обязательно встретитесь, – пообещал Маркус. – Скажите, только правду, а чем он вам понравился?

– Симпатичный мужчина, с порочной идеей в голове, способный на мужской поступок. Разве этого мало? – пристально посмотрела на Маркуса женщина.

– Красивого мужчину полюбить не сложно, – глубокомысленно проговорил старик. – И в этом я на вашей стороне. Мне самому нравились красивые молодые женщины с ногами от ушей. Мне были неинтересны те, кто старше меня. Возможно, что в свои двадцать лет я был не прав, но в то счастливое время тридцатилетние «старухи» меня не интересовали. Женщина для меня всегда была объектом любви, а не субъектом умных разговоров о политике, литературе, театре.

– Стандартное поведение самца, – скривила губки Лена, – вы не хотели видеть в женщине личность. Вас интересовало ее тело, ноги, губы...

– И что в этом плохого, – усмехнулся Маркус Крыми, – я любил женщин за то, что они женщины. А те, кто изображал из себя недотрог-феминисток, превращались в спортивный кубок, к которому надо было прильнуть ради спортивного интереса. Это была одноразовая любовь!

– Вы их брали силой? – Лена уже с интересом смотрела на старика. Вначале она вообще не видела в нем мужчину.

– Нет, что вы. Уболтать можно любую словами, жестами и внушением. Бывало, удавалось даже превратить ледяную снежную королеву в пылающий вулкан страсти, но это было исключением из правил. Обычно, те, кто изображал из себя феминисток и борцов за равноправие полов, были настолько неинтересны и скованны в постели, что второй раз встречаться с ними не было никакого желания, – скривился, как от лимона, Маркус. – У меня даже была своя теория. Я полагал, что феминистками становятся неудовлетворенные фригидные дамы после тридцати, страдающие психопатиями и неврозами. Отказ от секса с женщиной и продолжения рода – болезнь, патология, которую надо лечить.

И если сейчас перекинуть мостик из прошлого в будущее и заговорить о вас, как о женщине, то можно предположить, что вы подпадаете под эту категорию дам. Я дотрагиваюсь до ваших рук, и чувствую дыхание ледника. Вы не способны на сумасшедшую любовь, вас устраивает монотонная жизнь в браке, ваш бизнес, который никогда не сделает вас по-настоящему богатой женщиной. Только не подумайте, что я пытаюсь вас унижить или оскорбить.

Но у меня такое ощущение, что молодой красивый мужчина не сможет стать вашим близким другом или любовником, потому что вы ему будете неинтересны, как женщина. Вы меня считаете стариком, но ведь и вы уже, как говорил поэт, «пожившая-поднаторевшая». А молодость – это когда горят глаза при виде красивого мужчины, когда женщина готова броситься на шею незнакомцу и утащить его в омут любви.

Слова старика не на шутку обидели Лену. Она не считала себя фригидной старухой, ледникового периода.

– Вы не правы, – наконец, произнесла Лена, – вы не разбираетесь в женщинах, не знаете меня и... несете всякую чушь.

– Скрупулезно подмечено, – улыбнулся Маркус Крыми, – не мне судить, разбираюсь я в женщинах, или нет, но я сказал то, что думаю, и это стопроцентная правда. Или у вас есть реальные аргументы, которые поставят под сомнения мои выводы.

Старик откровенно брал женщину «на слабо». Защищаясь, она должна была хоть что-то рассказать о своих любовниках и о тех, кто мог закодировать ее «страхом смерти». Прием, честно говоря, «детсадовский», но в данной ситуации он должен был сработать.

– Вы добиваетесь от меня предсмертной исповеди, а может, вы хотите узнать, какая я бываю в руках любимого человека? – перешла в атаку Лена.

– Ставлю сто против одного, максимум, на что вы способны, – это имитировать оргазм в кровати с мужем, – Маркус демонстративно отодвинулся от женщины, поправил очки и заявил с насмешкой. – Лена, вы даже и этим не занимаетесь. Так, двухминутная обязательная программа, и все.

– Показала б я тебе, дедушка, как я умею любить, но ты ж умрешь от этого, —неожиданно зло проговорила Лена. Слова старика ее просто взбесили. Лицо женщины покраснелось, глаза метали молнии в сторону вздорного старика. Она уже не контролировала себя и готова была придушить гипнотизера, который откровенно издевался над ней и ее мужем.

– Не обижайтесь, я пошутил, – неожиданно сменил тон Маркус. – Я ищу причину вашей болезни. И ваши любовники меня интересуют в качестве... подозреваемых в теракте. У меня сложилось впечатление, что этот страх и спазмы в животе вызваны какими-то лекарствами или наркотиками. Вспомните, что вы принимали перед полетом.

– Вы ошибаетесь. Я не принимаю наркотиков, и у меня нет любовников. Я порядочная женщина. И на этом ставим точку, – зло произнесла Лена.

– Не принимала, значит, не принимала, – чуть слышно пробормотал Маркус Крыми. – Я не Господь, могу ошибаться.

Вольф Мессинг

Женщина отвернулась к иллюминатору, долго смотрела на пролетающие мимо облака, потом, обернувшись к старику, продолжила ровным голосом: «Я видела фильм о Мессинге. Он на меня не произвел должного впечатления. Расскажите о своих встречах с Вольфом Мессингом, если вам не трудно».

«Весьма странное желание у обреченной на смерть женщины», – подумал Маркус. Но вслух он не высказал каких-либо сомнений. Почему бы и не поговорить с ней перед смертью о Мессинге.

– Этим вопросом вы попали «в десятку»! Мужчины любят рассказывать о себе «героические истории», даже те, кто ничего героического не совершил. Перед женщиной они готовы тут же распустить хвост и начать изображать из себя героя-любownika, дон Жуана или отчаянного смельчака, способного переплыть Черное море, убить из рогатки всех соперников и тут же предъяснить даме сердца свои самые серьезные намерения, – весьма бодро заговорил Маркус Крыми. Он попытался изобразить из себя стоящего над схваткой, умудренного жизнью писателя. – В отличие от молодых жеребцов, делающих в разговорах упор на свою мужскую силу, выносливость и супер-сексуальность, у стариков выбор тем весьма ограничен. Чаще всего они трут уши даме своими уникальными знакомствами и поучительными историями, в финале которых явно просматривается коронная фраза живущего прошлым о том, что «старый конь борозды не портит». Я полагаю, что за свою жизнь вы слышали немало подобных историй.

– А вы не могли бы обойтись без ненужных вступлений и подводок к главной мысли? – резко оборвала Маркуса Лена.

– Можно и без вступлений, – быстро согласился писатель. – Просто я хотел эту историю превратить в художественное произведение. Но если вы торопитесь...

– Да, я тороплюсь. У нас осталось очень мало времени.

– Однажды его величество случай привел меня в психиатрическую больницу. Почему я попал на свою первую практику именно туда, одному богу известно. Но так получилось, что меня распределили в психбольницу. Там же, в диспансере, я впервые услышал о гипнозе и увидел, как молодая женщина-врач Вера Ларина, усыпляя больных, внушала им полезные мысли, снимала страх, депрессию...

После сеансов гипноза мы много говорили с ней о тайнах мозга, о внушении и однажды она вручила мне очень редкую в то время книгу о гипнозе. Это была монография какого-то немецкого автора. Читать ее было сложно, но из этой книги я узнал главное, что гипнотизером может стать практически любой человек. Причем для того, чтобы научиться усыплять больных – не нужно иметь специального образования, а достаточно овладеть техникой гипноза. И я стал зубрить приведенные в книге инструкции и примерно через месяц попросил свою наставницу разрешить провести самостоятельно сеанс гипноза.

Понятно, что я сильно волновался, но мне был передан хорошо внушаемый больной, которого я без труда смог усыпить и провести полноценное внушение. Тогда модно было лечить больных алкоголизмом при помощи гипноза и аутотренинга. Доктор, оценив мои способности и знание специальной техники, похвалила начинающего гипнотизера и предложила продолжить опыты под ее контролем.

Со временем я стал лечить страдающих не только алкоголизмом, но и неврастенией, невротическими навязчивыми состояниями. Некоторых пациентов удавалось доводить до самой глубокой стадии гипноза – сомнамбулизма.

– Глубина гипноза в меньшей степени зависит от таланта гипнотизера, – говорила мне молодая доктор. – Если делать все правильно, то до этого состояния хорошо внушаемого испытуемого может довести любой человек. Но об этом гипнотизеры стараются не говорить. Врачи,

которые лечат больных, внушают им прежде всего веру в свою исключительность и высокий профессионализм. Это способствует в работе с мало внушаемыми субъектами, а таких насчитывается примерно 20—30 процентов от всего населения. Потом Вера Ларина уехала, и я уже самостоятельно продолжил свои «эксперименты» над больными.

– Я чувствовала, что вы не настоящий гипнотизер. И если б мне рассказал кто-то другой, я б не поверила, что в СССР студенту медучилища могли разрешить лечить больных гипнозом, – не удержалась от комментария Лена.

– Ничего удивительного, в то время в Крыму с психологическими опытами выступал евпаторийский культработник Юрий Новиков, который использовал гипноз для привлечения зрителей. Да и Вольф Мессинг не имел медицинского образования. По большому счету оно и не нужно. Один умный человек мне сказал: гипноз – это тайна и искусство, а не лечебная процедура. Врач нужен для определения правильного диагноза и выбора формулы внушения. Все остальное может сделать любой человек, владеющий техникой гипноза. Но это была присказка, а теперь о том, что запомнилось мне в связи со встречей с Мессингом.

Впервые Вольфа Мессинга я увидел на сцене городского театра имени Пушкина. Учтывая, что я уже владел техникой гипноза и считал себя знатоком этого дела, то вызвался ассистировать легендарному гипнотизеру. На сцене я и еще несколько зрителей исполняли роль «народного контроля». Ассистент помогал выводить на сцену зрителей, следил за тем, чтобы Вольф Мессинг не подглядывал в зал, когда там прятали от него вещи. И самое главное, находясь на сцене рядом с Мессингом, пытался раскрыть тайны старого гипнотизера. Но ни один из его фокусов повторить не смог.

После окончания сеанса меня представили Мессингу. Врач-психиатр из нашего диспансера рассказал о том, что при помощи гипноза я смог вылечить самоубийцу, помог больным, страдающим алкоголизмом и неврозами. Вольф Мессинг пригласил меня к себе в номер.

По-русски Вольф Григорьевич говорил неважно, но я ловил каждое слово великого гипнотизера. От лечения больных Мессинг отрешивался, говорил, что ему подменять советскую медицину нельзя, а вот о психологических опытах рассказывал охотно. Там же, в номере гостиницы, он показал мне, как можно находить спрятанные вещи.

– Выберите эмоционального человека, лучше, молодую девушку-истеричку. Возьмите ее за руку и делайте резкие движения. Если она настроена против вас, то будет уводить вас от объекта. Если положительно, то сама вас и приведет к предмету. Так что все просто. Надо быть только внимательным к людям, и все получится».

– Я не случайно вас просила рассказать о встрече с Мессингом. Вы говорили с ним о телепатии? – неожиданно прервала заученный рассказ Маркуса Крыми Лена.

– Конечно, я спрашивал о телепатии. В то время это была модная тема. Передача мыслей на расстояние – это не гипноз. Мессинг напомнил мне, что при помощи гипноза можно взрослого человека превратить в ребенка. Заставить его играть в футбол, собирать цветы на поляне, читать вслух детские стихи. А передача мыслей – это нечто другое, и как это происходит – Вольф Григорьевич не знал.

А еще Мессинг говорил, что он не общается с миром мертвых, и однажды после представления, схватив меня за руку, зашептал на ухо: «Никогда, запомни, никогда не общайся с миром мертвых! Если перейдешь эту грань – ты исчезнешь навсегда! Оттуда не возвращаются!».

И потом, без перехода, на одном дыхании, Вольф Мессинг продолжил: «Ты не будешь психиатром, ты уйдешь из медицины, и гипноз будешь применять только в моменты опасности. Но, несмотря на это, – ты станешь известным человеком!».

– И кем же я буду? – удивился я странному предсказанию.

– Ты будешь писателем! – повысил голос Мессинг. – Запомни! Ты уйдешь из медицины после первой книги, и всю оставшуюся жизнь будешь придумывать жуткие истории из жизни

твоих знакомых. Героями книг станут те, кто тебя окружает. И даже я стану героем твоей книги! Но ты не сможешь разгадать тайну Мессинга! Хотя эта встреча тебе запомнится навсегда и сделает твою жизнь другой.

– И как вы отнеслись к этому предсказанию? – с интересом посмотрела на Маркуса Лена.

– Если честно, я не поверил Мессингу. Какой из меня писатель! В школе у меня была переэкзаменовка по русскому, а самым ненавистным предметом была советская литература с ее «Поднятой целиной», и критическим анализом произведений великих и заслуженных.

Книги, конечно, я читал, но не видел смысла в том, чтобы раскладывать по косточкам героев, домысливая за автора, что тот чувствовал, когда писал судьбоносную историю о том, как крестьяне «поднимали целину» или строили «Днепрогэс». В то время я собирался поступить в мединститут, и в это предсказание Вольфа Мессинга не поверил.

Маркус мог бы долго рассказывать о своих встречах с Вольфом Мессингом и о некоторых секретах, в которые посвятил его известный артист, но предпочел скрыть то, что считал самым важным в своей жизни.

– После окончания медицинского училища меня почти сразу призвали в армию, где я легко завоевал авторитет благодаря гипнозу и рассказам о встрече с Мессингом. Отыскать пару внушаемых солдат в роте было несложно. Я стал демонстрировать сослуживцам психологические опыты. Вначале находил спрятанные предметы, а потом при помощи «молниеносного гипноза» на глазах пораженной публики усыпил самого агрессивного «дембеля», который больше других издевался над вновь призванными бойцами. Он оказался легко внушаемым. Мне удалось довести его до третьей стадии гипноза, и чтобы наглядно продемонстрировать свою силу, я заставил солдата «собирать на лугу цветы», «играть в футбол» и «с отвращением пить водку».

После этого сеанса старослужащие стали обходить меня стороной. Дело в том, что хорошо внушаемый человек навсегда остается в подчинении гипнотизера, и помимо воли испытуемого его можно легко погрузить в гипнотический сон в любое время. А вот после армии лечить больных гипнозом больше не довелось. Советская власть, по просьбе трудящихся, ужесточила контроль над теми, кто владел гипнозом, и разрешила использовать методы психотерапии только врачам. А потом сбылось предсказание Вольфа Мессинга. Я оставил медицину и стал сочинять детективы, главными героями в которых стали врачи-психиатры. Книги эти в начале девяностых годов прошлого столетия выходили сотысячными тиражами. Из издательства мне потом приносили пачки писем читателей, в которых они рассказывали свои истории и делились впечатлением о прочитанном. Так что я, как и предсказывал Вольф Мессинг, стал весьма известным человеком.

Сегодня кто-нибудь из скептиков, возможно, и скажет, что и это предсказание Вольфа Мессинга не более чем случайность, но лично я уверен, что Вольф Мессинг не только мог предсказывать будущее своим знакомым, но и вполне успешно использовал методы внушения в критические моменты своей жизни.

– Вы интересный рассказчик, – заметила Лена. – Но у меня сложилось впечатление, что вы редактируете не только свои книги, но и воспоминания о прошлой жизни. Вы что-то скрываете, недоговариваете.

– Здесь нет умысла, это особенности человеческой памяти. О каких-то событиях мы забываем навсегда, о чем-то можем вспомнить через год, и только один процент информации остается в памяти нашего компьютера на долгие годы. Например, детские игры, в которые под гипнозом играют взрослые люди.

– Маркус, разговор этот я завела с одной целью – хотела узнать, как вам удастся перекачивать в чужой мозг огромный объем информации. Находясь под гипнозом, я видела фильмы, слышала исповеди людей, с которыми до встречи с вами не была знакома. Как вы это делали?

– Понятия не имею. Просто у меня в голове формируется какая-то детективная история, и до того момента, пока она не превратится в книгу, все время крутится в мозгу, обрастая мел-

кими деталями, подробностями и неожиданными продолжениями. Причем я не могу что-либо изменить в этой истории. Литературные герои живут своей жизнью. Они с кем-то общаются, разговаривают. Такое состояние может длиться не один день. Если я пишу роман, то счет идет на месяцы, а то и годы. Я думаю, что так работаю над книгой не только я.

– Если эта информация хранится в вашей голове, то, как она попадает в мозг другим людям? – повысила голос Лена. – Она ж не может перетекать по закону сообщающихся сосудов. Для того, чтобы я увидела «ваше кино», вы должны написать адрес, упаковать файлы в архивы и нажать клавишу ENTER в своем мозгу.

– Вы с этим вопросом обратились не по адресу. Эта тема для целого НИИ, а я всего лишь писатель. Автор криминальных романов, – усмехнулся Маркус Крыми.

– Я обратилась по адресу, потому что вы в этом самолете оказались не случайно. Если меня, как вы утверждаете, «закодировали на смерть», превратив в «биологическую бомбу», то и вы тут выполняете строго отведенную роль.

– И какая ж это роль, – бесцеремонно перебил Лену писатель. – Я должен буду напасть на стюардессу, взорвать дверь в кабину пилотов?

– Напрасно ёрничаете, вы исполняете роль ретранслятора моих страхов, – понизив голос, шепотом произнесла женщина.

– Полный бред. Какой ретранслятор, какие страхи? С чего вы это взяли? – вскочил с кресла Маркус Крыми. – У вас, что, крыша поехала?

– А я смотрела по сторонам во время взлета, – невозмутимо продолжила Лена. – Свой страх авиакатастрофы я смогла передать только одному человеку, который сидел рядом со мной. Вы же, превратившись в атакующий компьютер, сможете посеять панику в кабине пилотов, потому что вы гипнотизер, способный передавать информацию при помощи телепатии.

– Вы переоцениваете мои возможности. Атаковать кабину пилотов я не могу, потому что хочу остаться в живых, – возмутился Маркус. – И это главное противоречие в выстроенной вами модели поведения.

– Не вижу противоречия. Ваш мозг будет действовать, как зараженный вирусами компьютер, – продолжила Лена.

– Сравнить человеческий мозг с компьютером... – засомневался Маркус Крыми, – в беседах с Мессингом у меня не было такого аргумента.

– Но вы же целенаправленно грузили меня криминальными историями. Признайтесь, это же была вполне осознанная атака на мозг. Чего вы хотели добиться от меня?

– Любви, Лена! Только любви! Вы не можете себе даже представить, что этот дряхлый старик, вспомнив о своем прошлом, – решил при помощи гипноза «объясниться в любви» с молодой красивой женщиной. А ведь это так. Я действительно хотел обратить ваше внимание на свою скромную персону придуманными историями, – попытался увести от опасной темы Маркус. Он не знал, о чем можно говорить с этой женщиной и как спасти ее от «кода страха». Если б она была психически больной, то он нашел бы нужные слова, но ее поведение не вписывалось в рамки психиатрического диагноза. Хотя в последних ее словах можно было усмотреть попытку втянуть соседа по креслу в бредовые построения: «зараженный вирусом компьютер», «целенаправленно грузил криминальными историями». Чаще всего в системный бред впадают гипнотизеров больные шизофренией. Но Маркус отбросил эту версию. Он видел перед собой управляемого другими людьми, закодированного на смерть человека. «Код страха» – мог быть оставленным в мозгу человека на определенное время внушением или специальной компьютерной программой. Но скорее всего, Лену могли превратить в самоубийцу-смертницу при помощи наркогипноза.

Когда-то в молодости Маркус, начитавшись умных книг, попытался использовать наркогипноз для лечения своих больных. Делать это было несложно, так как многие из них полу-

чали нейролептики и снотворные. После того, как начинало действовать снотворное, подключался Маркус, который пытался перевести сон, вызванный лекарствами, в гипнотический сон. Эффективность наркогипноза была выше, чем у обычного гипноза. При помощи наркогипноза удавалось не только лечить больных, но и раскрывать планы по подготовке к побегу из больницы. Кроме этого, ему удалось расколоть двух самоубийц, втайне от врачей собиравших сильнейшие действующие лекарства.

Наркогипноз изучали в институте Сербского, но в официальной медицине он так и не получил широкого распространения. С одной стороны, для проведения этих сеансов нужны были нейролептики и наркотики, что само по себе создавало определенные проблемы, а с другой, сами психотерапевты не хотели связываться с лекарствами. Большинство из них лечило невротиков и алкоголиков. Эта публика была хорошо внушаемой, и каких либо дополнительных воздействий на свой мозг не требовала. Лечить же шизофреников при помощи наркогипноза большинство психотерапевтов считало авантюрой, потому что первое, что делал шизофреник после общения с гипнотизером, включал его в свой бред. Если у больного был бред ревности, то мужчина-гипнотизер тут же становился любовником его жены со всеми вытекающими отсюда последствиями. Не лучшая доля ожидала и того, кто оказался в плен душевно больным в «бред преследования». Для некоторых гипнотизеров эксперименты с лечением больных шизофренией заканчивались весьма печально. Однажды на «пятиминутке» главврач рассказала о пяти убитых гипнотизерах.

Поэтому вместо гипноза в семидесятых годах психиатры, для того, чтобы раскрутить особо опасного больного, применяли «сыворотку правды». Эту процедуру называли «растормаживанием». Но все это было в далеком прошлом, о котором мог говорить Маркус, а вот то, что происходило сегодня в закрытых НИИ психиатрии и психологии, он не знал. В прессе изредка мелькала информация о том, как готовят смертников мусульманские террористы. Но эта информация была больше похожа на «чекистский слив», при помощи которого спецслужбы формировали общественное мнение. Маркус решил закрыть тему.

– Я снимаю свои подозрения о том, что вы закодированы «кодом страха», а вы перестанете называть меня «ретранслятором страха» и «пораженным вирусом компьютером». Давайте поговорим с вами о любви и запахах. Представьте, мы сидим с вами на малой сцене театра имени Горького и разговариваем о любви. Это может быть наш последний разговор в жизни.

Стас Михайлов

– Маркус, вы меня вызываете на откровенность?– подняла глаза на старика женщина.

– Лена, если через несколько минут у вас вновь начнется приступ, то вы мне уже ничего не сможете сказать, а я вам ничем не смогу помочь. Я бы хотел разобраться с феромонами, но не знаю, как подойти к этой теме, – пояснил Маркус.

Лена с удивлением посмотрела на старика. До посадки самолета оставалось минут пять, а ему в голову пришла столь странная идея.

– Я не имею никакого отношения к парфюмерной промышленности, запахам, духам, одеколону, – резко оборвала Маркуса Лена. – Мы сейчас с вами должны думать о том, долетит ли наш самолет до земли или нет.

– Нет, Лена. Думать и говорить сейчас с вами мы будем о любви. Перед тем, как сесть в этот самолет, в Сети я прочитал заметку о гормональном всплеске, который сопровождает концерты Стаса Михайлова. Некий исследователь установил, что поклонницы певца во время концерта выбрасывают в зал «феромоны любви», которые создают небывалую ауру во время его концертов. Не могли бы вы прокомментировать эту информацию, как свидетель и эксперт женского счастья.

– Какой я вам эксперт женского счастья! – неподдельно возмутилась Лена.

– Хорошо. Не хотите быть экспертом, тогда ответьте перед великим судом, как свидетель. Скажите, что вы ощущали на концертах Стаса Михайлова? – не отставал Маркус. Он хотел в оставшиеся до посадки минуты докопаться до истины. Террористы могли для своих целей использовать «феромоны страха».

– Откуда вы взяли, что я была на концертах Стаса Михайлова? – возмутилась Лена. Ей захотелось запустить в старика чем-то тяжелым. Она не помнила, как вела себя с внушенным ей артистом под гипнозом в самолете.

– Ну, это ж элементарно, Ватсон, – громко рассмеялся Маркус. – Вы женщина состоятельная, уставшая от однообразия семейной жизни, а Стас Михайлов – это романтика, лирика, мечта и небывалое наслаждение. Я так думаю, что вы были раз пять на его концертах, – голосом Шерлока Холмса произнес Маркус.

– Хорошо, я была на его концертах несколько раз, – махнув рукой, призналась женщина. Она была удивлена тем, что Маркус не только читает ее мысли, но и знает о ее тайных желаниях. Мужу Лена о своих посещениях концертов Стаса Михайлова никогда не рассказывала.

– И что вы чувствовали на этих концертах? – продолжил расспросы Маркус.

– Вначале предвкушение встречи с любимым исполнителем. Потом попадаешь в плен его голоса, на пятой или шестой песне в зале уже творится что-то невообразимое. Начинается массовый психоз. Создается впечатление, что некоторые женщины готовы отдаться Стасу Михайлову прямо на сцене.

– А ваши личные ощущения в момент всеобщей любви? – быстро спросил Маркус. – Только правду.

– У меня начинались спазмы в животе, как при родах, – смущенно произнесла Лена. Она опять оказалась во власти гипнотизера и была вынуждена рассказывать ему о своих самых сокровенных тайнах

– Но вы ж не уходили с концерта, потому что спазмы эти превращались в нечто более важное для женщины, чем боль, – предположил Маркус.

– Да, я ощущала себя счастливой. Резкий спазм в животе завершается приливом крови к голове и ощущением настоящего женского счастья.

«Похоже, что она „настоящим женским счастьем“ шифрует „оргазм“, – подумал писатель. Но развивать эту тему не стал».

– А теперь вопрос, который вам не понравится, – предупредил женщину Марат. – Вы об этих своих ощущениях рассказывали кому-нибудь в Крыму?

– Нет. Кому я могла рассказать об этом. Вы в своем уме?

Выслушав Лену, Маркус стал вспоминать, что он раньше читал о феромонах. Кроме феромонов любви существуют и феромоны страха, которые вызывают реакцию бегства, затаивания или, наоборот, как это наблюдается у общественных насекомых, – агрессивную реакцию и коллективное нападение на врага. Обычно это относительно простые и более летучие по сравнению с половыми феромонами вещества (у домашней пчелы одним из компонентов феромона тревоги служит изоамилацетат).

Но не только жучки-паучки используют для спасения себе подобных «феромон страха». У многих видов рыб в коже содержится феромон тревоги («вещество испуга»), высвобождающийся при повреждении кожи. Такой же механизм выделения феромона тревоги обнаружен у головастиков жабы.

Катастрофа

Пока Маркус Крыми вспоминал научно-популярные рассказы биологов о феромонах тревоги, стрелки часов напоминали о главном. О посадке самолета во взорванном аэропорту. Маркус еще раз посмотрел на Лену. Настроение у нее стало меняться. Лицо решительной дамы сменила безжизненная маска ипохондрика.

– С вами что-то произошло? – поинтересовался Маркус у неожиданно замолчавшей женщины.

– У меня все в порядке. Просто мы идем на посадку, и мне стало страшно. По-настоящему страшно! – еле слышно произнесла женщина. – Я вижу на земле пылающий самолет, осколки фюзеляжа и людей в белых халатах. А еще по громкоговорителю звучит сообщение, что во время аварии погибли все. И вот сейчас пришло новое сообщение из параллельного мира: выживут двое: мужчина и женщина. Так что у вас есть шанс, Маркус, а я погибну, как Жанна Д*Арк, в огне и страшных муках. Там уже все решили. Вы не хотите мне что-нибудь сказать перед смертью?

– Перестаньте думать о глупостях. Все будет хорошо, – отмахнулся от жуткого предсказания Маркус. – Нас встретят в аэропорту мои коллеги по книжному бизнесу, и я отвезу вас на презентацию своей тринадцатой книги. А потом мы поедem к вам в гости и разберем по винтикам эту запутанную историю. Надеюсь, вы не будете возражать против нашего более тесного общения. – Маркус не знал, о чем еще можно говорить с этой запуганной вконец женщиной.

Неожиданно Лена судорожно вцепилась за рукоятку кресла, перестав реагировать на слова, она тяжело дышала.

– Он говорил, что самолет взорвут слуги дьявола. Мы встречались с дьяволом! Его звали Ахмет. Запомните: Ахмет! – чуть слышно прошептала женщина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.